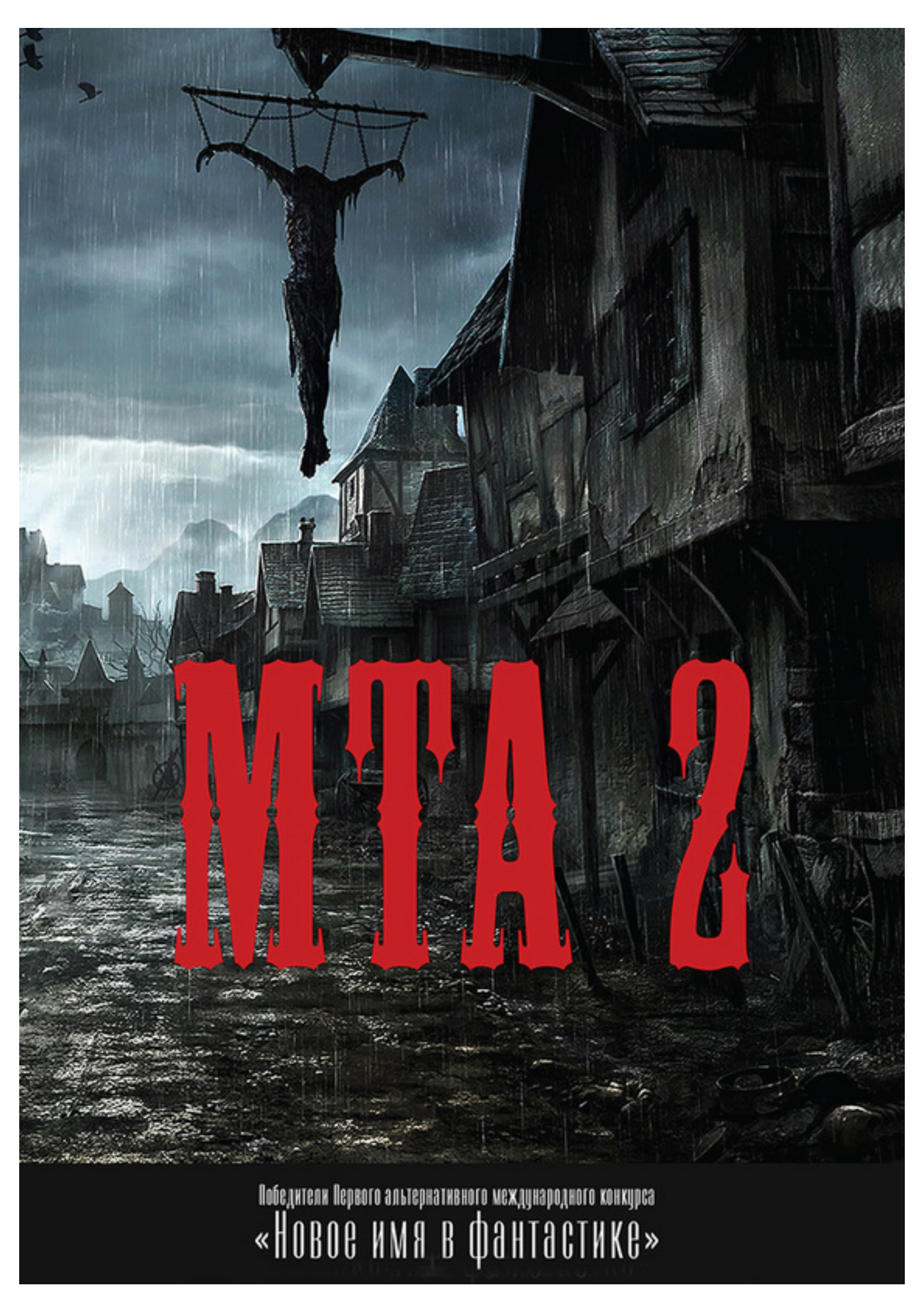

МТА 2

Победители Первого альтернативного международного конкурса
«Новое имя в фантастике»

МТА

Альманах

**Победители Первого
альтернативного международного
конкурса «Новое имя
в фантастике». МТА II**

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2013

Альманах

Победители Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике». МТА II / Альманах — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2013 — (МТА)

Авторы альманаха смело работают с сюжетами и коллизиями, с метафорами и с аллегориями, с самой формой текста, с его ритмом, с его дыханием. Здесь есть и гротеск, и ирония, и философия, и лирика. Здесь мелькают иные планеты и экзотические острова, а совсем рядом оказываются вполне узнаваемые, сугубо земные пейзажи. . . . Здесь есть все, чтобы доказать, что фантастика не заблудилась в трех соснах примитивных сюжетов, что Золушка еще жива и готовится к новым свершениям. «Тишина. . . Есть лишь бесшумная беспорядочная пульсация маленького комочка раскалённой плазмы – это душа, здесь моё всё. Здесь страхи и сомнения, постигшие меня ещё во чреве матери и дерзкий крик, венчающий первый несмелый вдох земного воздуха. Здесь мальчишка с соседней парты, обидно до слёз дёрнувший меня за косичку. Здесь старый зонт, забытый в раскачивающемся от ветра гамаке. Здесь любовь, нет, не первая любовь, не единственная, а просто любовь, наполняющая сияющей бездной восторженности до краёв, до пьяного блаженства, до искупления. . . А вот галерея памяти прикосновений: колючая хвоя Рождественской ёлки и обжигающий крепкий кофе на губах, ледяная сталь порывистой белой выюги и тепло давно пожелтевших страниц томика Блока, упругие клавиши гармоничного естества старого немецкого рояля и влажная прохлада обожаемых мною ладоней. . . И ещё здесь люди, люди, люди. . . » (Ольга Нацаренус.)

© Альманах, 2013

© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2013

Содержание

Новый шанс для Золушки	7
Иван Миронов	9
Скоро буду!	9
Ольга Нацаренус	16
Когда-нибудь я напишу смерть	16
В метро	17
Артур Понамарев	21
Секс-галактик	21
Планета «Зима»	26
Юлия Романова	32
Пережить Бога (2007 г.)	32
Кейс	39
Проект	42
Лидия Рыбакова	48
Неолитическая Венера	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Альманах Победители Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике». МТА II

© Продюсерский центр Александра Гриценко, 2013

© Интернациональный Союз писателей, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Новый шанс для Золушки

Предисловие от литературного критика

В конце 60-х годов и в начале 70-х в литературной прессе Советского Союза звучала дискуссия о месте фантастики в книжном мире. И это было время расцвета советской НФ. И, пожалуй, вообще лучший период для фантастики в России. Если брать ее в современном виде, а не в том, какой ее себе представляли Владимир Одоевский, Антоний Погорельский и другие русские романтики XIX века. В 60-е активнейше творили и написали свои главные произведения такие мэтры жанра, как Аркадий и Борис Стругацкие, Евгений Войскунский и Исай Лукодянов, Александр Мирер, Ариадна Громова, Илья Варшавский, Север Гансовский, с 70-х во весь голос зазвучал Кир Булычѳев...

Так вот. В прессе тогда фантастику сравнивали с Золушкой, которую властная мать – советская литература – и злые сестры – реалистические направления – не берут на бал, несмотря на ее красоту. Да, так вот и было. Писатели-фантасты, пришедшие в литературу уже во второй половине 70-х, печатались с большим трудом. Хотя именно они делали все возможное, чтобы, по точному замечанию Виталия Бабенко, «сделать из фантастики литературу». Хотя именно они старались вывести фантастику из «гетто» (устоявшийся термин), в которое она попала в начале XX века. Так произошло с англо-американской фантастикой в 60-е годы, когда пришла «новая волна» (тоже устоявшийся термин): Роджер Желязны, Филип Дик, Харлан Элисон, Джон Браннер, Брайан Олдис и др. После них фантастика обрела полные права в семье англоязычной литературы. А нашим мастерам оставалось лишь оттачивать свое мастерство на семинарах. Их называли «четвертой волной российской фантастики»...

А потом случилась перестройка и советская литературная иерархия рухнула. Новое российское книгоиздание начало формироваться в середине 90-х, печатать тогда начали отнюдь не тех писателей, которые стремились к художественности, а тех, кто казался более коммерчески перспективным...

Сейчас этот путь привел фантастику в тупик. Рамки ее художественных средств искусственно сужены. И такая она интересна очень узкому кругу читателей. Серьезные издатели отвернулись от нее. Как если бы наивная Золушка все-таки попала на свой бал, там над ней сначала грязно надругались, а потом выставили за дверь, не желая общаться со столь распутной особой...

Фантастику покинул дух экспериментаторства, исчез творческий порыв. Издание фантастических книг резко свернулось. Лучшие авторы первого десятилетия XXI века уходят – кто в сценаристику, кто в компьютерно-игровой бизнес...

Есть ли выход? Один из вариантов – собраться вместе и отказаться от услуг издательств, писать то, что велит мятежная душа, без оглядки на то, что скажет редактор. И так, поддерживая друг друга, пробиться к читателю.

Именно такие произведения, написанные в соответствии с требованиями авторской души, а не редакторского давления, собраны в этой книге. Авторы здесь смело работают с сюжетами и коллизиями, с метафорами и аллегориями, с самой формой текста, с его ритмом, с его дыханием. Здесь есть и гротеск, и ирония, и философия, и лирика. Здесь мелькают иные планеты и экзотические острова, а совсем рядом оказываются вполне узнаваемые, сугубо земные пейзажи. Здесь прозаический текст вдруг переходит в поэтический (сам прошел через это!)... Здесь есть все, чтобы доказать, что фантастика не заблудилась в трех соснах примитивных сюжетов, что Золушка еще жива и готовится к новым свершениям.

С творчеством некоторых авторов я давно и близко знаком и высоко ценю их способности, имена других прочитал впервые. Я хотел перечислить несколько фамилий, но потом передумал, чтобы никого не обезать. Я только пожелаю им всем успеха. Пусть эта книга поможет ее авторам стать своими в мире фантастики. В добрый путь!

*Андрей Щербак-Жуков,
прозаик, критик, поэт.*

Иван Миронов

Скоро буду!

Раз... два... три... четыре... пять...

Муха некоторое время украшала своей мертвой тушкой лобовое стекло, но «дворники» решили эту проблему. Слава зевнул. В челюсти что-то убедительно щелкнуло. Затор не рассасывался уже в течение двух часов, и окончания этому мучению не предвиделось. Видимо, домой он доберется только глубокой ночью. А пока солнце еще не зашло и жарило беспощадно. Сейчас он очень жалел, что не стал ремонтировать сломанный кондиционер. Выражение «скупой платит дважды» приобрело смысл и ясно дало понять, что золотой фонд народных мудростей никогда не стоит недооценивать и игнорировать.

Красные огни стоящего спереди грузовика потухли – машина медленно проехала метра два и остановилась. Слава продвинул свою Хонду вперед и снова встал.

– Задолбала эта пробка, – в сердцах произнес он. Истошный звук клаксона где-то позади поддержал раздраженную реплику.

По радио включили «Владимирскую Русь», что придало сложившейся ситуации совсем унылый вид. Слава зажег сигарету. Курить в такую жару, да еще и с пересохшей глоткой было неприятно, но нервная дрожь тем не менее слегка улеглась.

Он бросил взгляд на часы: 17:33. Надо позвонить жене, чтобы не волновалась. Слава взял мобильник. Возле маленькой антенны на экране было три палочки.

– Алло?

– Катюш, привет, это я.

– Слав, ты где? Я, между прочим, тут волнуюсь, – заплаканный капризный голос в трубке, – а тебе хоть бы что, ни ответа ни привета. Я уже бог знает что передумала за это время.

Слава раздраженно сжал зубы. Господи, ну что за сволочь! Ему и так непросто, а она своими истериками еще и масла в огонь подливает. Он мысленно досчитал до десяти. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Глубоко вдохнул.

– Извини, родная. Связь только сейчас появилась.

«Черный кофе» сменился какой-то слюняво-слащавой попсой, жующей жвачку про хлопающие ресницы. Как обычно, спокойный голос (Боже, знала бы она, каких усилий это ему стоило) сделал свое дело – жена стала понемногу снижать обороты.

– Ты где?

– В пробке застрял. Тут какая-то фигня творится – совсем не двигаемся. Видимо, впереди авария серьезная. А у тебя как дела? – сменил тему разговора Слава. Трюк тривиальный, но действенный.

– Плохо, все из рук валится. Пока убиралась, умудрилась вазу мамину разбить. Димка у Пантелеевых сегодня ночует. Я думала, приготовлю ужин, вина купила, а у тебя... у тебя пробка.

«Да я что, сам ее тут организовал?», – захотелось заорать в трубку, но Слава повторил дыхательное упражнение и спокойно ответил:

– Не расстраивайся. Надеюсь, сейчас рассосется. Скоро буду.

– Во сколько?

– Думаю, к двенадцати – к полпервому приеду.

– Вот так скоро! Хорошо, только не гони.

– Конечно, милая.

– Я люблю тебя!

Еле заметная пауза:

– И я.

В телефоне послышались короткие гудки. Слава бросил телефон на пассажирское сиденье.

Зазвучал Цой. «Следи за собой». Грузовик спереди начал выруливать влево, на встречку. Машины, находившиеся справа от «фуры», тотчас же стали лезть следом. Слава увидел выставленный аварийный знак и чуть поодаль, метрах в десяти, корму самосвала. Произошедшее пока было неясно, но, несомненно, без жертв не обошлось. Стоявшие чуть в стороне машины МЧС, скорой помощи и ГАИ подтверждали это.

Полицейский расположился возле треугольника аварийного знака и направлял всех на встречную полосу. Слава, повинувшись указаниям жезла, вырулил влево. Медленно продвигаясь вслед за грузовиком, он разглядывал аварию.

Впереди самосвала находился огромный рейсовый автобус, сверкающий на солнце развороченным «задом». Слава отметил довольно любопытную деталь – задняя часть синего «лопоухого» Мерседеса оказалась ярко-оранжевого цвета. Возле кабины грузовика копошились МЧСники в синих формах: видимо, пытались извлечь водителя. Картина, приближаясь, становилась все четче. В голове у Славы работала фотовспышка, которая резкими всполохами белого света фиксировала последствия аварии. Кабина самосвала («Татра, по-моему, это Татра») приподнята над землей. Вспышка, и под передними колесами видны искореженные куски веселого апельсинового цвета. Из этой груды торчит колесо. Опять вспышка, и видно, что передок легковушки неопределенной марки буквально размазан об автобус. Снова вспышка, и среди трех пар ног спасателей виден предмет, которого здесь быть не должно, но он есть. На разделительной полосе лежит человеческая кисть, белые пальцы сжаты так, что кончиков не видно. Вспышка, и становится понятно, что пальцы вовсе не сжаты – первые и вторые фаланги начисто срезаны. Последняя вспышка, и виден только бок автобуса.

В динамиках раздавался голос Цоя: «Следи за собой, будь осторожен». Интересно, кто это был? Может быть, это молодой парнишка ехал со своей девчонкой. Стекла опущены, одной рукой он крутит баранку, вторая покоится на водительской двери. Парень что-то рассказывает подруге, естественно, немного приукрашая, – ведь он хочет казаться круче, чем он есть. Подруга смеется: ей, наверное, плевать с Эйфелевой башни на выкрутасы своего молодого человека, она любит его таким, какой он есть на самом деле. Резкий порыв ветра взвивает ее волосы, создавая на голове забавный хаос. Они смотрят друг на друга, и парень начинает смеяться. Девушка смотрит некоторое время, потом ей тоже становится смешно. Парень, просмеявшись и продолжая улыбаться, возвращает руку в салон и достает из нагрудного кармана сигарету. Левую кладет на руль, а правой щелкает прикуриватель. Проходит несколько секунд, в которые девушка пытается-таки привести прическу в порядок, для чего закрывает окно с пассажирской стороны. Раздается еле слышный щелчок, молодой человек берет в руку прикуриватель, и чуть наклонив голову влево, пытается прикурить. Внезапно он обращает внимание на тормозящий автобус впереди него. Нога автоматически перелетает с педали газа на тормоз, но уже поздно. Девушка все еще улыбается, когда машина врежется в автобус. Ее голову хлестко бьет о переднюю панель. Слышится треск раскалывающегося черепа. Парня спасает раскрывшаяся подушка безопасности, и он живет на две секунды дольше своей возлюбленной. Потом с резким визгом тормозов легковушку подминает под себя грузовик.

Слава встряхнул головой, отгоняя от себя разыгравшиеся образы. Его воображение порою было таким наказанием!

По радио закончилась короткая реклама, и поставили то ли Несчастный случай, то ли Моральный кодекс, то ли Секрет. Дорога была свободна, и этот факт внушал призрачную надежду, что домой он попадет к полуночи. Хонда набирала скорость осторожно, с опаской. Вид машины, превратившейся в гармошку, на некоторое время осадил прыть. Но нетерпение

все же оказалось сильнее страха, и уже через полчаса спидометр стабильно показывал полторы сотни километров в час.

В девять позвонила жена. Пока Слава тормозил и съезжал на обочину (будучи водителем со стажем, он все же никогда не разговаривал по мобильнику на скорости), телефон перестал звенеть. Слава заглушил мотор, снял очки, слегка размял пальцами переносицу, взял телефон, вылез из машины, потянулся (при этом спина явственно хрустнула) и прикурил сигарету. Движения его были нарочито неторопливыми, словно он делал это назло яростно подмигивающему телефону, который в точности передавал настрой его благоверной. Таких настроений было ровно два: нетерпение и раздраженность – первое; нетерпеливость и раздражение – второе. Однако оттягивать неприятный диалог было уже невозможно, и Слава нажал на кнопку вызова.

– Да, Кать!

– А что сразу ответить нельзя, я же беспокоюсь! – опять двадцать пять. – У меня сердце уже болит, а ты не можешь просто поднять трубку и сказать, что у тебя все в порядке.

– Катюш, я же за рулем был, я не мог поднять телефон, – «Оправдываюсь, словно нашкодивший ребенок». Мысль эта вызвала неимоверное раздражение:

– Твою мать! Кать, хватит уже! Итак устал как собака, да еще ты тут... Пожалуйста, завязывай, а? Я скоро буду, сказал же. Обещаю к двенадцати приехать. Хорошо?

То ли тон, то ли неожиданное упоминание тещи – что-то остановило поток бессмысленных обвинений в невнимательном отношении к любимому человеку. Чтобы учесть и исправить хотя бы четверть того, что она ставит ему в укор, необходимо быть десятью человеками сразу, и не простыми смертными, а сверхтактичными, сверхпредусмотрительными (и еще много разных сверх) личностями. Но он один, недавно отметивший свое сорокалетие, лысеющий, зрение минус четыре, явно не справлялся с возложенной на него обязанностью.

– Хорошо, Слав.

– О'кей. Люблю тебя, пока.

Он отодвинул трубку, выждал пару секунд, необходимых для ответа жены, и нажал на отбой. С поворотом ключа Хонда ожила. Включив левый поворотник, Слава тронулся. По радио заиграли Чайф. Из динамиков лилась до мурашек знакомая тема:

«От старых друзей весточки нет – грустно...

А на душе от свежих газет пусто...»

Это произошло на третьем курсе. Слава сидел со своими друзьями Артуриком и Серегой в коридоре общежития и горланил «Ой-ё» на весь этаж: Слава – гитара, вокал, Артур – вокал, Серега – невнятное бормотание. Выпито было уже немало, и расходиться никто не хотел. Именно тогда появилась Катя. Она вышла из общего умывальника: на плече полотенце, в руках паста, щетка и мыльница, на лице милая улыбка, способная растопить даже сердце закоренелого циника. Слава поднял глаза, их взгляды нечаянно пересеклись, и... пришлось некоторое время мычать, так как слова в мгновение ока вылетели из головы. Катя рассмеялась. В тот день они не познакомились, но их знакомство уже было предопределено. Звучит как романтическая чушь с неизменным окончанием: «И жили они долго и счастливо». Да «долго», но далеко не «счастливо». За восемнадцать лет совместной жизни их «счастливо» окончательно растерялось. Осталась только женщина, склонная к истерикам и жалобам, и мужчина, который от сочувствия плавно перешел к равнодушию. Димка стал единственным сдерживающим фактором. Он помогал обоим родителям мириться с неудавшимся браком. И, может быть, лень. Лень что-то менять, что-то начинать. Они обросли вещами и знакомствами. Их жизнь получила комфорт, о котором они голодными студентами когда-то мечтали, но комфорт вытеснил близость. И вот теперь...

Чайф сменила какая-то незнакомая группа, меланхоличные сопляки из молодых. На спидометре было 150, на часах – 21:07, настроение – 0. Солнце почти зашло. Какое-то неприятное ощущение понемногу овладевало Славой. Ощущение, которое твердит тебе: «Должно произойти что-то нехорошее». Иногда такое бывало: словно кости стали мягче, а в пальцах появилась легкая дрожь, не лишенная некоторой приятности. Что-то среднее между предэкзамениционным мандражом и диким желанием покурить.

Это все жена со своими истериками. Она считает, что, постоянно напоминая о себе, делает себя более важной для него, более любимой. А на деле происходит совершенно противоположное: появляется воз и маленькая тележка уважительных поводов задерживаться на работе и часто выходить из дома покурить. Чем больше она давит собой, тем меньше отдачи она получает. Вот такая загогулина получается, как говаривал один небезызвестный комический персонаж.

Справа и слева к асфальту вплотную подступил темный сосновый бор, превратив двухполосную дорогу в однопoleйку. Славе никогда не нравилось это место: каждый раз перед ним возникает какой-нибудь тихоход. Вот и сейчас пришлось скинуть скорость: перед ним нетопливо плыла громадина автопоезда.

Ленинград. Заводная песенка. Слава, сам того не желая, начал подпевать:

Вы хотите песен, их есть у меня...
Я переорю любого соловья...

Через минуту он уже горланил на всю машину так, что соловей действительно бы на этом фоне смотрелся блекло.

Фура начала утомлять своими шестидесятью в час. На встрече никого, обзор хороший. Слава вдавил педаль газа в пол. Когда расстояние между ним и грузовиком сократилось до 10–15 метров, с ярко-красным блеском появились стоп-сигналы. Попытаться останавливать Хонду было бессмысленно. Единственная мысль мелькнула в голове Славы: «Вот так все и бывает».

Славино тело отреагировало с поразительной и практически нереальной скоростью: руки плавно повернули руль влево, ровно настолько, чтобы пройти в каких-то миллиметрах от бампера фуры, и при этом не кувыркнуться. Хонда вылетела на встречу, а затем, когда длинная туша автопоезда осталась позади, свернула на свою полосу. Через полкилометра Слава остановил машину на обочине. Открыл дверь и, продолжая держаться за нее, вышел. Фура, которая несколько секунд назад чуть не оставила его жену вдовой, приближалась со скоростью в те же шестьдесят километров. Лицо водителя отчетливо виднелось за огромным лобовым стеклом: одутловатые, небритые щеки, дырка рта с опущенными вниз кончиками губ, мелкие пороссячьи глазки, смотрящие перед собой холодно и колюче, копна черных с проседью волос. На правой скуле блестело похожее на старый ожог бледно-фиолетовое пятно. Слава подумал, что неплохо бы набить морду этому ублюдку, но мысль была какая-то вялая, не подталкивающая к активным действиям. Дальнобойщик мельком взглянул на Славу. Господи, молоко свернется от такого взгляда. Словно двустовка, из темных отверстий которой смотрит сама Смерть...

Твою то в душу. Что за лирика? Обычный шофера, похожий на свина, которому без разницы, что он причинил кому-то неудобство.

Машина удалялась, оставив за собой едкий запах сгоревшей солянки и клубы пыли. Из салона Хонды доносились вопли все того же Шнура. Поразительно, такое ощущение, что прошло минут десять, а на деле – максимум минута-полторы. Слава сел обратно в машину. Руки дрожали. Сигарета из пачки никак не хотела вылезать, тогда он просто высыпал все, что оставалось в пачке, на сиденье. Вместе с сигаретами высыпались мелкие листики табака, которые тут же разметало по салону. Прикуривая, Слава чудом не обжег себе ладонь. Он поднял голову вверх и выпустил густой дым в потолок.

Среагируй он чуть позже, наверняка был бы уже мертв. Господи, так близко. Всегда думаешь, что смерть где-то еще, что уж тебя она точно обойдет. А тут буквально выскочила перед тобой: «Пойдем, дружок, твоя очередь. Достаточно ты потоптал землю». Он мог бы сейчас лежать в искореженной консервной банке, создавая еще одну пробку. А жена... Он бы даже не извинился перед ней. За то, что вел себя, как последняя сволочь.

Внезапно самым важным в его жизни стал звонок Кате. Он должен извиниться. Слава выключил радио, на котором снова крутили какую-то рекламу, и взял в руки мобильник. Руки уже не дрожали, но от спешки пальцы не попадали туда куда следовало. Наконец пошел вызов. Слава сделал глубокую затяжку горького дыма.

– Да? – голос ровный, даже скорее равнодушный.

– Катюш, это я.

– Да, Слав, – видимо дуетя.

– Катюш, прости меня, я не должен был орать. Это все... – опять на ум пришли только детские оправдания, которые Слава зарубил на корню, – я мудака, ты там сидишь – волнуешься за меня, а я крик поднимаю. Извини меня, угу?

– Конечно, Слав. Только давай уже приезжай скорее, ладно?

Через час совсем стемнело. Славе всегда нравилось ехать вот так, в темноте с включенными фарами, когда дорога словно рождается перед ним километр за километром. Нравилось, потому что с каждой минутой в нем росло чувство приближающегося дома. Так он всегда себя чувствовал в детстве, когда вместе с папой и мамой на их «копейке» он возвращался из пионерлагеря – сладкое ощущение умиротворения и покоя. И как бы он ни избегал своей жены, она была частью его дома – частью неотъемлемой и важной.

Но сейчас этого чувства не возникало. То ли разговор с женой, то ли воспоминание о чуде неслучившейся аварии – какой-то неприятный осадок осел горечью в горле, мешал насладиться моментом. Он что-то забыл. Он что-то обещал, но не выполнил. Эта полубессознательная мысль забралась куда-то на периферию мозга и не давала покоя своим зудом.

Слава автоматически включил правый поворотник и остановился напротив светофора. Он здесь проезжал сотни раз, знал буквально каждую кочку. Так почему он никак не может успокоиться? Что не так, что он забыл? Все было то же и так же. Дорога, уютный свет фар, чистое звездное ночное небо, луна...

Слава взглянул вверх и еле сдержал крик. Полная луна висела прямо напротив него и словно огромный глаз следила за ним. Она отливала мертвенно-зеленым цветом. Однажды в детстве, он видел, как из озера багром доставали труп какого-то мужчины: распухший как барабан, местами окутанный водорослями, с выпученными до предела мертвыми глазами. Слава месяц не мог нормально спать – как только он закрывал глаза, перед ним возникало это безвольное позеленевшее тело. Позже, когда черед кошмаров минула, он старался не вспоминать этот эпизод настолько усердно, что через некоторое время начисто забыл о последнем. И вот теперь луна моментально возродила в памяти те ужасные минуты. Своим цветом она напоминала утопленника, долгое время пробывшего в воде.

Слава закрыл глаза и начал считать до десяти. Этот прием всегда помогал ему в тяжелые минуты – помог и сейчас. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Глубокий вдох, и вновь открыл глаза.

А-а-а, мать твою. Слава рассмеялся. Нервным, неуверенным смехом. На верхней части лобового стекла Хонды была наклеена солнцезащитная полоска, сквозь которую луна и приобрела свой новый зловещий оттенок. Через обычное стекло она была нормального серо-белого цвета.

В фильмах ужасов, которые Слава просто обожал, если герою было предназначено попасть в какую-либо беду, то сначала он проходил через пытку разных предзнаменований: треска веток от неожиданного порыва ветра, внезапно выскочившей, словно из ниоткуда,

собаки, тихо подкравшегося почему-то сзади друга. Саспенсбляхамуха – было Славино определение данной особенности второсортных (и не только) хорроров. Катя всегда хохотала, услышав этот «термин», потому что Слава при этом придавал своему лицу и голосу соответствующее торжественно-идиотское выражение. Они любили вместе валяться под одеялом и, высунув носы, смотреть «ужастики» – это были моменты, когда все ссоры и взаимные претензии забывались. Теперь Слава сам оказался в подобной ситуации: глупые совпадения, которые его мозг моментально увязывал с чуть не случившейся бедой, казались своеобразным предупреждением.

Светофор между тем сменил красный свет на зеленый и, когда Слава вспомнил, что нужно ехать дальше, замигал.

– А, черт! – Слава сосредоточенно стал ждать следующий разрешающий сигнал. Включил радио.

«...Ведь это раньше можно было просто улыбаться...»

Агата Кристи. Исключительно тоскливая вещичка. И явно не для ротации на радио. Неужели им поставить больше нечего. Лучше в тишине.

В двадцать минут двенадцатого Хонда въехала в город. Ощущение, что что-то не сделано, выросло до размеров легкой паранойи. Что и кому он обещал? – вопрос пульсом бился в мозгу. Через пятнадцать минут он будет дома, и все будет нормально.

Пробираясь по частному сектору, Слава поразился, насколько непривычно пустынными казались улочки. Освещенные окна попадались только изредка, словно сейчас было не полдвенадцатого, а часов пять утра, когда только-только просыпаются на работу первые соседи. Слава даже взглянул на автомобильные часы, чтобы удостовериться, что сейчас еще не утро. Нет. 23:31. Пот выступил на лице, несмотря на прохладный ветерок. Что-то не так. И серьезно не так. Он что-то забыл. Он не выполнил обещание, и вот теперь все не так, как должно быть.

Увидев свой дом, Слава понял: что-то случилось с женой. Он нажал на педаль газа и рванул вперед, хотя до его забора было каких-то метров пятьдесят. Резко затормозив перед калиткой, Слава выскочил из машины и нажал на звонок. Где-то в глубине дома раздалась птичья трель. Ждать ответа не имело смысла, ведь его жена лежала сейчас либо мертвая, либо в бессознательном состоянии. Слава начал дергать за ручку, но через секунду перестал, так как над входом загорелся свет, и тут же дверь открылась.

Появилась Катя: живая и здоровая, немного заплаканная, но в целом спокойная. У Славы возникло ощущение, будто он не видел ее целую вечность, хотя расстались они только позавчера утром. Она была одета в розовый шелковый халат, тот самый, который он так любил снимать с нее. На ногах – ее любимые красные тапочки. Светлые длинные волосы распущены. С ней все в порядке, слава Богу. Облегчение было настолько сильным, что Славино лицо расплылось в широкой улыбке.

Как только Катя открыла калитку, она в тот же миг попала в крепкие объятия мужа.

– Что такое, родной? Что случилось?

– Ничего, Катюш, ничего. Теперь все в порядке.

Они вдвоем двинулись к дому: она – слегка кутаясь, потому что вечер принес с собой прохладу, он – крепко прижимая к себе жену. Все хорошо. Он дома. Беспокоиться не о чем. Завтра с утра все будет выглядеть иначе. Пропадет это свербящее чувство, что что-то не доделано. Надо просто лечь поспать. Голова раскалывалась, словно с похмелья. И все тело ломило.

– Катюш, я, наверное, спать пойду.

– А как же ужин?

– Не могу, родная, голова очень болит.

Через двадцать минут, раздевшись и умывшись, Слава лежал в постели. Жена сидела возле него и поглаживала его по груди. Славины глаза понемногу закрывались, наливаясь свинцом, и Катя расплывалась.

– Ты как себя чувствуешь? – словно в тумане услышал Слава.

– Хреново, но завтра пройдет.

– Ты в порядке?

«Блин, а с первого раза непонятно?», – лениво проплыл в голове вопрос.

– Родной, ты в порядке?

«Я что, уже сплю?» Голос жены погрубел, стал сиплым, словно она была заядлой курильщицей. Слава открыл глаза. Жена смотрела на него как-то странно.

Он и не замечал, что у нее такие некрасивые глаза. Они были словно...

«Поросячьи. Мелкие поросячьи глазки».

Еще до того, как жена повторила вопрос, Слава все понял. Понял, что он обещал, и чего не выполнил.

– Брат, ты в порядке?

Катя провела пухлой грязной ладонью по своим коротким черным, с проседью, волосам.

– Мужик, скажи что-нибудь, ну, давай.

Слава не мог пошевелиться. Он лежал на безобразно жесткой кровати и не мог пошевелиться. Ему хотелось остаться дома, чтобы никто не нарушал его покоя, но этот ублюдок начал трясти его.

– Мать твою, не помирай, дыши.

Пятно на правой скуле того, что только что было Катей, горело огнем на фоне побледневшего лица.

И перед тем как из поля зрения окончательно пропала спальня, захламленная стеклянной крошкой и покореженными кусками железа и пластика от Хонды, Слава успел мысленно сказать Кате: «Прости, родная, что не приехал».

...шесть...семь...восемь...девять...десять...

Ольга Нацаренус

Когда-нибудь я напишу смерть

Когда-нибудь я напишу смерть... Возможно так:

«...Вот время вздрогнуло и остановилось. В тонких чувственных пальцах застыл изящный карандаш, а чуть приоткрытое окно перестало впускать птичьи голоса, сопровождаемые майским прохладным ветром. Секундная стрелка старинных часов в деревянной рамке натужилась, но не смогла совершить свой следующий шаг.

Теперь спешить больше некуда... Потеряна актуальность всех на свете расписаний, обещаний и просьб...

И беспокоиться не о чем... Не зазвонит сумасшедший телефон и не выпустит из себя истощенный возмущенный голос, бывший когда-то самым близким на свете. Старый кот не выпрыгнет на мои колени и не заглянет печальным темно-зеленым мне в глаза...

Уже не нужно с волнением прислушиваться к ритму своего сердца – оно не откликнется на мой внезапный испуг и не застучит бешено от смоченного ядом поцелуя...

Тишина... Есть лишь бесшумная беспорядочная пульсация маленького комочка раскаленной плазмы – это душа, здесь мое всё. Здесь страхи и сомнения, постигшие меня еще во чреве матери и дерзкий крик, венчающий первый несмелый вдох земного воздуха. Здесь мальчишка с соседней парты, обидно до слез дернувший меня за косичку. Здесь старый зонт, забытый в раскачивающемся от ветра гамаке. Здесь любовь, нет, не первая любовь, не единственная, а просто любовь, наполняющая сияющей бездной восторженности до краев, до пьяного блаженства, до искупления... А вот галерея памяти прикосновений: колючая хвоя Рождественской ёлки и обжигающий крепкий кофе на губах, ледяная сталь порывистой белой выюги и тепло давно пожелтевших страниц томика Блока, упругие клавиши гармоничного естества старого немецкого рояля и влажная прохлада обожаемых мною ладоней... И еще здесь люди, люди, люди... Нескончаемой вереницей по моим дням и ночам, бурным потоком через радость, пыль, грязь, через всё расстояние моего пути. Родные, близкие, дорогие, чужие, странные, ненавидимые и любящие... То с ликованием изгоняющие меня, то бесповоротно вычеркнутые мной. То нежно сочувствующие, то лукаво предлагающие мне помощь...

Пустота... Теперь невозможно взять в руки и прижать к груди. Реален лишь комочек раскаленной плазмы, предвкушающей приближение большого путешествия.

Больше не будет завтра... Откровением прочитанной книги тихо всплывёт память, ветхим тряпьем одежд своих колышущая недолгую мрачную скорбь моего прошлого мира...

Несовершенство человеческого восприятия, ошибка сознания называет всё это смертью...

Сцена опустела. Ей не удалось удержать зрителей ещё на один акт. Пьеса окончена. Актёр покинул старый театр и готов к самому главному своему перевоплощению. Занавес...»

... Когда-нибудь я напишу смерть... Или смерть напишет меня...

В метро

Метро... Я произвожу шаг и оказываюсь внутри вагона... Теперь я делаю это каждый вечер, потому что уже близок мой час, потому, что время торопит покинуть прошлое и устремиться в будущее... Здесь, в метро, я напряжённо, уверенно и терпеливо ожидаю встречи, которая стремительно изменит мой исключительный мир. Неопределённым остаётся пока лишь точное время этой встречи. Именно в это время сойдутся в одной точке пространства широко расставленные сети решающих обстоятельств, основополагающих причин и уникальных казусов непредвиденных взаимодействий моего бытия...

Кольцевая линия. Её станции уже давно научились узнавать меня таким, каким бы я ни возникал в их холодных пределах. Сегодня я хочу, чтобы меня видели так: светловолосый, голубоглазый юноша среднего роста, пёстрая спортивная куртка, кроссовки, рюкзак. Вчера же путешествовал я в образе пожилой женщины, с полосатой хозяйственной сумкой и маленькой белой собачкой на руках – этот вариант мне показался несколько утомительным и невообразимо скучным...

Вагон наполовину пуст. День близится к завершению своих дел, намерений и причуд. Вокруг меня уставшее, зевающее, спящее...

Металлический женский голос в который раз безразлично объясняет:

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Краснопресненская...»

Я присаживаюсь и открываю книгу, осознавая, что несусь с грохотом по чёрному тоннелю благодаря неистовой силе поезда, примитивно отнимающей мою независимость.

...Тата́ – тата́хх, тата́ – тата́хх, тата́ – тата́хх...

...Размышления не останавливаются ни на мгновение: каким предстанет гость моей блуждающей души? Смогу ли я распознать его, почувствовать?...Пытаюсь гасить своё волнение рассуждением: встреча не может не состояться, она не может не быть, она неизбежна, а следовательно, всё произойдёт правильно... Ошибка исключена!

Поезд тормозит и вскоре останавливается на следующей станции... Я внимательно всматриваюсь в разинутые двери моего вагона и невольно обращаю внимание на вошедшего только что мужчину средних лет. Где я мог видеть его раньше? Нет, бесспорно, его внешность мне знакома. Вот только никак не могу вспомнить, где мы могли встречаться? Электрический импульс больно пронзает моё естество... Чуть смуглое лицо, широкий лоб, волнистые тёмные волосы, небрежно спадающие на плечи... И глаза... Конечно же, такие глаза невозможно было забыть! Удивительной доброты глаза, наполненные великой густой печалью и тёплой мудростью... Вне всяких сомнений, мы раньше где-то встречались...

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Белорусская...»

Толчок, поезд начинает разбег, мужчина, хватаясь за поручни, движется в мою сторону. Его длинный чёрный плащ распахнут, мне удаётся разглядеть под ним строгую белую рубашку с пятнами свежей крови... Я вздрагиваю... Нет, нет, в конце концов это не моё дело... Он может выглядеть так, как ему угодно, но лишь с одним условием – я должен понять, узнать, обратить внимание... Встреча состоялась! И это самое главное для меня сейчас...

...Тата́ – тата́хх, тата́ – тата́хх, тата́ – тата́хх...

Мужчина садится рядом со мной, несколько секунд мы смотрим друг на друга. Его взгляд плавно меняется от насмешливого приятельского до тяжёлого скорбного... Я опускаю глаза – мне сложно... Мужчина показывает мне свои руки: прекрасные длинные пальцы в крови – нежная паутина линий на ладонях осквернена страшными сквозными ранами...

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Новослободская...»

...Тата́ – тата́хх, тата́ – тата́хх, тата – тата́хх...

Больше я не чувствую скорости поезда, стук его колёс не беспокоит моё возбуждённое сознание... Внутри меня возникает голос, и он несомненно принадлежит природе моего попутчика...

– Придёт время, и ты появишься на свет! Громким вопрошающим криком разбудишь непознанный мир, изо всех сил зажмурив большие серые глаза от внезапного вторжения в твою душу солнечного света. Слезы незыблемой радости упадут на грудь твоей матери – и это будет самым прекрасным моментом в её жизни! Замечательный муж и отец сойдёт с ног, разыскивая для неё самые прекрасные розы в вашем городе... Но может случиться иначе... На грудь твоей матери упадут слёзы отчаяния и безысходности, потому что она будет совершенно одинокой, не имеющей средств к существованию, равно как и понятий о морали. Она не будет рада твоему появлению на свет, не будет знать, как дальше жить. Чёрное сердце её наполнится самыми страшными намерениями...

...Помни, что я всегда буду молиться за тебя!..

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Проспект Мира...»

...Тата́ – тата́хх, тата́ – тата́хх, тата – тата́хх...

– Придёт время и отчаянно зацветёт сирень, пьяным ароматом проникая в самую глубину твоей хрупкой натуры! Любовь... Ты узнаешь, что такое любовь к женщине. Прочувствуешь нелепость возвышенности болезненного состояния своей души, ощутишь восторг от игры предсказуемых прикосновений, поймёшь зависимость от голоса, от взгляда, от доступности. Любовь сумеет вдохнуть в тебя блаженное счастье, наградить сказочными крыльями, подарить незабываемые минуты волшебства отношений... Но может оказаться так, что любовь принесёт тебе лишь страдания. Ты потеряешь сон, будешь лишён покоя, приобретёшь ненависть и ревность, и навсегда распрощаешься с доверием и открытостью...

...Помни, что я всегда буду молиться за тебя!..

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Комсомольская...»

...Тата́ – тата́хх, тата́ – тата́хх, тата – тата́хх...

– Придёт время, и ты познаешь ремесло. Твои исключительные возможности найдут своё отражение в музыке. Какое чудо, волшебство воспринимать гармонию звуков кончиками пальцев, ритмом сердца, дыханием! Какое наслаждение ловить приходящее извне и упорядочивать в сотни великолепных аккордов-соцветий!.. Но ты можешь распорядиться своей жизнью иначе... Твоим ремеслом станет причинять боль, отнимать, переходить границы дозволенного, сеять вокруг себя зло. Ты будешь отвержен родными, проклят близкими, но уважаем подобными себе, то ли от безысходности, то ли от фатального надрыва сущности своей сбившимися в серые стаи, навсегда оставившие белый свет...

...Помни, что я всегда буду молиться за тебя!..

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Курская...»

...Тата́ – тата́хх, тата́ – тата́хх, тата – тата́хх...

– Придёт время, и ты вспомнишь, что такое ждать. Да, да, я не ошибся, именно вспомнишь, потому что будешь хорошо знаком с этим чувством. Абсолютно любой душе, на том ли, на этом ли свете, никогда не удастся избежать ожидания. Оно может быть приятным или утомительным, безликим или тягостным, может придавать различную окраску твоему настроению,

но всегда будет подводить черту в твоём существовании. Так выражает себя время осмысления текущего, происходящего сейчас. Незримая грань – объяснение ошибок и предшествующих ожиданию поступков. Это – предоставленное тебе время для размышления, поиска нового и понимания надобности давно забытого и брошенного...

...Помни, что я всегда буду молиться за тебя!..

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Таганская...»

...Тата – татахх, тата – татахх, тата – татахх...

– Придёт время и, блаженно улыбаясь, ты подставишь лицо каплям тёплого весеннего дождя. Кропотливо сотканная из радужных чувств, ярких событий и благополучия, жизнь будет нести тебе миллионы радостных минут. Большая, дружная семья, надёжные соратники, удачно построенная карьера, достаток – ощущение незыблемой постоянности и уверенности в завтрашнем дне... Но может случиться так, что в ту весну ты будешь буквально пропитан болезнью и, попав на улицу после длительного заточения в клинике, поймав несколько капель дождя на измученное лицо, ты нелепо улыбнёшься и еле слышно прошепчешь: «Ничего, ничего, всё ещё наладится... Я сильный, я справлюсь, обязательно справлюсь...»

...Помни, что я всегда буду молиться за тебя!..

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Павелецкая...»

...Тата – татахх, тата – татахх, тата – татахх...

– Придёт время и... время для тебя закончится. Ты благополучно уйдёшь от глубокой старости, в окружении нежно любящих потомков, давно уже проводив из жизни милую жену и верных друзей. Уйдёшь тихо и спокойно, в глубоком безмятежном сне, достойно завершив череду поступков, событий, свершений и многогранных эмоций... Но нелепость обстоятельств и великое зло человечества – война, могут распорядиться твоим временем совсем иначе... Твой сорок второй день рождения... Горящий самолёт стремительно несётся к земле. И нет никакой возможности ничего изменить, исправить, отредактировать... Реальна лишь неистовая сила твоих рук, держащих штурвал и твой безумно страшный крик, разрывающий глухое пространство чужого неба: «Мама-а-а, я жить хочу-у!»...

Последняя секунда легко соскользнёт по стеклянному конусу песочных часов и сольётся с вечностью...

...Помни, что я всегда буду молиться за тебя!..

«...Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Добрынинская..»

...Тата – татахх, тата – татахх, тата – татахх...

– Теперь же мы должны расстаться. Ты выйдешь на следующей станции и покинешь метро. С последней ступенью, ведущей вверх, ты окажешься в ином, и тут же утратишь способность воспринимать твой нынешний мир. Долгих сорок недель надлежит провести тебе в полной темноте, содержащей в себе лишь тёплые воды и доносящиеся извне незнакомые ранее звуки. Новая жизнь разбудит в тебе желания, любовь, страх и заключит все эти чудесные цветы бытия в венок великого терпения.

...Помни, что я всегда буду молиться за тебя!..

«...Станция Октябрьская. Осторожно, двери закрываются...»

Я стремительно вылетаю из вагона, двери за мной с грохотом смыкаются. За спиной уже начинает разбег неумолимый поезд, увлекая моего спутника в тёмный тоннель неизвестности... Поправив на плечах рюкзак и убрав книгу во внутренний карман куртки, я направляюсь сквозь пустоту станции, туда, к лестнице вверх... Не оборачиваюсь, уверенно набираю темп. Вот они, обещанные ступени: первая, вторая..., седьмая..., одиннадцатая... Внезапно волна холодного свежего ветра проносится совсем рядом: «Помни, что я всегда буду молиться за тебя!...»

Артур Понамарев

Секс-галактик

Будущее пришло...

Пять с половиной миллионов лет назад закончила своё существование предыдущая цивилизация, исчезнув с лица планеты навсегда. Двуногое существо, называвшее себя «человеком», оказалось вредным. И было ликвидировано Великим Космосом – по решению Высшего Разума.

Прошли миллионы лет очистки планеты от предыдущих обитателей, – очистки, охватившей и пространства жизни ушедших из физического мира.

Строительный отряд Коалиции Космических Цивилизаций снова засеял планету растениями и животными, которые приспособились. Часть их появилась непосредственно из мира тонких энергий. Отряд переместил планету немного ближе к звезде. Всё изменилось – всё то же, что и прежде, но – другое. Сама материя стала иной: теперь всё насыщено тонкими энергиями...

Ныне звезда светит немного ярче. Небольшой наклон оси вращения планеты изменил климат: сгладились времена года – «зима-лето». Теперь есть зоны умеренных ветров, а есть – «спокойные». Вода занимает восемьдесят процентов поверхности.

Появились новые виды живых существ. Расцвела новая раса человека – «восьмая». Новые люди появились на планете из другого пространства – мира тонких энергий. Новый человек растворён в любви.

Новая раса универсальна и жизнеспособна. Новый человек сам управляет климатом. Новое человечество является членом галактического союза космических цивилизаций – «Коалиции».

Всё началось сначала... Это позволил Высший Разум.

Теперь Новый Мир – реальность...

Звезда клонилась к морю. Яркий диск явно уже направлялся в сторону воды, пройдя зенит несколько часов назад. Ветра почти не было. Поэтому океанская гладь медленно катилась гребешками волн сама по себе.

В широкой лагуне, почти у самого белого песка, стоял скоростной одноместный двухколёсник – дверь его была сдвинута вперёд. На сиденье лежала светлая сорочка, свисая одним рукавом вниз, на порог двери. Из-под сорочки, упираясь в спинку поясной частью, выглядывали синие шорты. Сиреневые эластомерные тапочки, отлитые точно по ступням ног, стояли возле педалей.

Системы автомобиля были отключены. И он походил на давно оставленный владельцем предмет. Машина стояла рядом с вытянутым невысоким бугром, на котором росла зелёная и бурая трава. Как сюда попала эта куча земли – неизвестно... Ветерок всё-таки долетал сюда иногда, поэтому трава изредка приходила в неслышное, неспешное движение. Земля, нагретая за день, медленно остывала, отпуская «нежное» тепло, из потоков которого люди обычно не хотят выходить.

И тут, и довольно далеко от этого места – ближе к горизонту – виднелись пальмы, растопыривавшие в разные стороны свои упругие листья. Пальмы начинались и за бугром. И распространялись влево и вправо по берегу, доходя почти до воды.

В лагуне, напротив этого места, был ещё один маленький остров, на котором тоже росли пальмы, и тоже была своя маленькая возвышенность, обросшая травой. Между островами простиралось неширокое мелководье, где вода отливала изумрудно-голубым цветом, непрерывно

радующим глаз. Вода была такой прозрачной, что дно просматривалось на всех глубинах. И там плавали и ползали разнообразные морские обитатели. Самыми заметными из них были красивые разноцветные рыбы и рачки...

В воздухе, на большом удалении кое-где летали птицы. Между деревьями порхали большие бабочки, фиолетовые стрекозы и кузнечики. Тельца некоторых насекомых были прозрачны или слегка окрашены, а крылышки испускали радужное сияние...

Прошло полтора часа... В лагуне случилось некое изменение. И тотчас невдалеке от берега поверхность воды быстро изогнулась небольшой выпуклостью, и сразу же появилась гладкая от стекающей воды блестящая голова. Вода ещё струилась по телу вниз, а уже резко возвысившись над поверхностью воды плавно двинулась к берегу вынырнувшая женщина. Это была Ларей. С её гладкой кожи, блестящей в лучах звезды, стекала вода. Ларей выходила прямо на автомобиль у песка. Это была её машина.

Ларей шла в воде довольно медленно. В левой руке она держала красивую, довольно большую раковину белого цвета – от какого-то моллюска. Когда девушка достаточно вышла из воды, на запястье правой руки показалась «удавка» короткого страховочного фала, закреплённого концом на стрекере – похожем на короткую пику приборе для отпугивания агрессивной живности в воде. Сам стрекер волочился атакующим раздвоенным окончанием по воде вследствие его непотопляемости.

Лицо Ларей закрывала сетчатая маска. На передней части туловища девушки – от вагины до груди – выделялся узкий серый пенал, закреплённый тонкими тесёмками. Пенал был сделан из упругого материала и нижним концом загибался к промежности. Верхняя его часть проходила меж груди и держалась на тесёмке, охватывающей шею. Середина этого приспособления крепилась тесёмками же за талию. Во время движения пенал, выделяясь узкой трубкой над светлой сероватой кожей Ларей, двигался влево-вправо, отслеживая каждый шаг. Перемещающиеся синхронно с шагом груди девушки совместно с движением пенала создавали ощущение отточенной красоты тела.

Красивую картину довершала ещё одна интересная деталь – личный передатчик Ларей, сделанный в виде кулона. Висел он на шее, на чёрной тесёмке, – напоминая блестящую большую «каплю» чёрного стекла. Узкая ножка верха «капли» имела блестящий металлический ободок, за который крепилась особо прочная тесёмка. «Капля» передатчика гладкой поверхностью оказывала приятное давление на одну грудь, упираясь другим боком в пенал. (Обычно передатчик свободно катался меж груди, поочередно надавливая на них; что доставляло Ларее наслаждение).

Лёгкое головокружение у Ларей уже прекращалось (как это бывает всегда при выходе из-под воды). Эйфория от поступающего избытка кислорода постепенно уменьшалась. И возвращалось привычное состояние сосредоточенности на передвижении по суше и необходимости чётко контролировать перемещение по твёрдой поверхности. Вот прошла расходящаяся вверх и вниз волна энергии по телу. Она быстро схлынула, затухая.

Ларей сняла с лица сетку и остановилась у самой кромки воды, – так, чтобы вода скрывала только ступни. Она нагнулась глубоко вперёд, удаляя остатки воды из лёгких. Немного постояла в наклонном положении с открытым ртом. С лица падали на воду капли...

Сняла короткие ласты. Затем двинулась дальше – на сушу.

Утопая ступнями в ласковом белом песке, Лея (так сокращенно называли её дорогие люди) умиротворённо поглощала положительные эмоции от процесса передвижения. А также слушала, как почти неслышно шлёпают капли воды по песку. Губы Ларей вытягивались в улыбку, которая почти складывалась на её тонком правильном лице. А длинные светлые волосы гладко прилегали к голове, стянутые на затылке резинкой.

Подойдя к автомобилю, Ларея положила раковину и сетку на сумку, лежавшую на полу машины, позади сиденья. Положила под сиденье ласты; затем приладила под углом к вертикали вдоль левого борта, пику стрекера.

Ларея взялась за раковину, рассмотрев её со всех сторон. Улыбнулась приятной для неё чем-то находке. Засунув раковину и маску в сумку, Ларея взялась освобождаться от пенала.

Сначала она развязала тесёмки, охватывавшие талию. Затем стянула через голову шейную тесёмку и окончательно освободила фаллос. Несколько раз энергично встряхнув пенал, Ларея удалила из него остатки воды. Убедившись, что воды практически нет, девушка кинула пенал в ту же сумку за спинкой сиденья.

Ларея попрыгала на месте, стараясь вытряхнуть как можно больше капель из жаберных щелей (ей не хотелось лишней мокроты на спине под рубашкой), и достала полотенце из сумки. Перед процессом вытирания Ларея внимательно осмотрела фаллос, подняв его близко к лицу.

Далее девушка принялась обтираться. Но сначала запрокинула руку за голову и стащила с хвостика волос резинку. Рассыпавшиеся волосы были влажными и слипались. Поэтому Ларея наклонила голову вправо, и полотенцем стала перебирать локоны, осушая.

Перепонки между пальцами рук девушка промокнула тканью полотенца. А когда задела ореолы сосков, приятная волна эротических эмоций стала подниматься от низа живота вверх, накачивая фаллос кровью. Из-за чего он стал увеличиваться в диаметре и по длине.

Настал черёд вытирать фаллос. Ларея осторожно промокнула его полотенцем по всей длине. Затем, согнувшись вперёд, промокнула половые губы. После этого девушка изящно вывернулась вбок-назад и растёрла досуха продолговатые, слегка уплощённые ягодицы. Ягодицы красиво упруго прогибались под ладонями и быстро краснели от энергичного растирания. Это выглядело немного забавно, потому что фаллос совершал в воздухе замысловатые сложные движения, изгибаясь и едва не задевая бок автомобиля, когда девушка поворачивалась. Со стороны эти движения напоминали танец змеи. А издали сходство было полным. Фаллос был упругим и гладким. И цвет его был немного более серым, чем вся остальная кожа. Это контрастировало с телом девушки, производя на зрителя ощущение мощной красоты. Вот фаллос стал высоко подниматься, вытягиваясь вдаль от тела на все тридцать сантиметров длины невозбуждённого состояния. При этом он торчал далеко вперёд, иногда оказываясь под острым углом к телу. Хорошо ещё, что Ларея в эти минуты не имела сексуального возбуждения. Тогда фаллос, удлинившись до сорока двух сантиметров, точно зацепил бы машину. А девушка, наверное, охнула бы от боли, неожиданно ударившись сверхчувствительной и нежной головкой о твёрдый борт...

И только после обработки прекрасных продолговатых ягодиц Ларея вытерла ноги с перепонками на пальцах.

Завершив важное дело вытирания, Ларея бросила полотенце в сумку. Затем, закрыв глаза, долго и с удовольствием стояла на месте, разведя руки в стороны, как бы окончательно высыхая. Ларея дышала кожей и лёгкими. При этом она поворачивалась на месте, подставляя свету заходящей звезды своё стройное тело. В теле Лареи «гуляла» радостная энергия жизни. И девушке было весело и легко. Вода и воздух, как всегда, зарядили её энергией и положительными дополнительными эмоциями. Воздух пах необыкновенно – морской водой и свежестью, которая дарила счастье. Ларея улыбалась...

Под конец процедуры принятия воздушной ванны Ларея стала смотреть на звезду, мысленно вознося ей хвалу за радость жизни и счастье, которое она несёт. Большие вытянутые глаза Ларея слегка прищуривала, улыбаясь звезде. Зрачки девушки совсем сузились, превратившись в тонкие вертикальные щёлки, едва заметные на лице.

(Вообще-то, у Лареи были синие лучистые глаза, постоянно выражавшие любовь и ум. Это то состояние, которое теперь испытывают все двести семьдесят миллионов высокоразумных обитателей физического спектра планеты.)

Поймав энергию звезды, Ларей стала собираться домой. Она вытащила из-под рубашки широкие шорты из лёгкой ткани. И красиво изгибая контур тела в профиль, поочерёдно вставляла ноги в штанины. При подтягивании шорт к поясу, фаллос повис на их верхнем краю. Девушка привычным движением оттянула, пружинящий пояс шорт вперёд, и фаллос легко и свободно опустился вниз. Затем Ларей быстро надела рубашку и нацепила на шею передатчик. Вытащила от педалей тапочки и надела их. Достала из кармана расчёску и привела в порядок волосы на голове. Резинка от волос была засунута в левый карман шорт.

Мягкая материя одежды ласкала кожу, окружая сознание девушки теплом и нежностью. Особенно приятно материя действовала на соски груди. Это будило в Ларее сильные эротические чувства. И естественным образом наводило мысли на половые органы. Подчиняясь импульсам управления, фаллос стал увеличиваться и двигался под свободными шортами, оттопыривая и поднимая гладкую ткань вперёд. Нежная головка фаллоса усиливала сексуальное возбуждение, стимулируясь от скольжения по ткани.

Ларей подумала о женщинах с повышенной чувствительностью тела. «Наверное, удачно я родилась такой. А то пришлось бы ходить с открытой грудью. Или с колпачками... – размышляла Ларей. – Невозможно было бы ничего красивого надеть. Всё пришлось бы отбрасывать, что грудь закрывает... А это обедняет гардероб, когда требуется выйти на люди».

Ларей улыбнулась... Впрочем, никто не мог гарантировать, что Ларей не станет Чувствительной женщиной...

...Когда Ларее нужно было заниматься ответственным делом, где не нужны эротические всплески, Ларей носила плотно прилегающий бюстгальтер. И тогда чрезмерный уровень возбуждения никогда не достигался трением сосков об одежду. Но бюстгальтер стеснял тело, поэтому Ларей всегда ходила без него, за исключением редких случаев, – вроде полётов или общественных собраний разного рода.

Ларей ходила дома чаще без одежды, потому что так было приятнее и легче. Но иногда нужно было что-то надеть. Самым удобным видом одеяния был короткий свободный сарафан из невесомого материала, почти прозрачный. У Ларей было два вида такой одежды: тонированный сарафан землисто-темного цвета (для понижения эротизма) и разноцветные сарафаны для обычного применения. Этот сарафан доставал только до корня фаллоса, и тем был необычайно удобен. Он не стеснял движений и максимально тормозил стимуляцию эрогенных зон. Впрочем, сарафан Ларей носила только когда были какие-то дискомфортные условия по причине погоды. И просто потому, что ходить без одежды надоедало...

Потом Ларее стало вообще смешно. И она представила себя на месте тех женщин, у которых оказалась врождённая сверхчувствительная вагина. Ларей чуть не расхохоталась. Она представила себя, мучающейся от своей вагины: надеваешь трусы – через три минуты – оргазм, и трусы мокрые от соков. И сама не можешь ничего сделать – «отключаешься», где попала. Снимешь после этого мокрые трусы – вагина ещё долго мокрая, – надо вытирать. Прикасаешься к вагине полотенцем – оргазм. И так без конца...

Ларей представила себе вид прекрасных смазанных половых губ. Это было приятно вспоминать... Она припомнила множество случаев, когда видела, как очередная сверхсексуальная особа где-нибудь на сиденье вагона или на лавке в парке выгибается, закрыв глаза, и стонет в оргазме – с шевелящимся и вытянувшимся фаллосом. А некоторые вытаскивают свой фаллос и мастурбируют до выброса семени. Иногда засовывают в рот свой фаллос в пылу страсти. Иногда – во влагалище, и трут клитор. Всё это эффектно и, в принципе, красиво. Это всем нравится наблюдать. Но Ларей не хотела, чтобы лично ею командовала собственная вагина. Потому что где-нибудь в экспедиции это может сыграть самую неблагоприятную роль. Хотя...

Бедные женщины! – думала, едва улыбаясь, Ларей. – С одной стороны, – прекрасное свойство – сверхчувствительная вагина. А с другой – всегда без трусов приходится ходить».

Ларея и сама, как почти все, ходила без нижнего белья, но мысль о том, что тебя могут ограничивать трусы, не нравилась Ларее.

Ларея хохотнула от удовольствия, получаемого от эротических мыслей и эмоций, щедро даримых телом. Ей стало очень хорошо и легко. Тело ещё больше наливалось биоэнергией, освобождая эмоции любви. Над головой Лареи появилось кольцо бело-синего свечения, сопровождающее подъём энергии. Но Ларея не хотела сейчас заниматься любовью. Поэтому предпочла сесть в открытый автомобиль, чтобы «успокоить» энергетику.

Она сидела, закрыв глаза, стараясь отвлечься от всего. Ветер почему-то совсем стих. Больше всего она не хотела сейчас думать о своих любимых, особенно об одной – Сальде Ким. Стоило только «зацепиться» за свою нынешнюю любовь, и уже не так просто будет оторваться от дистанционной близости с подругой. Поэтому Ларея выгоняла из головы все мысли, – о чём угодно... Это помогало...

...Стало увеличиваться количество облаков, красиво подсвечиваемых красками заката. Проявил себя наконец ветер, всё более усиливающийся. Чудесно зашелестели листья пальм за косогором. Ларея слушала успокаивающую музыку природы. Она любила слушать шелест листвы во всех зонах планеты.

Какие-то насекомые стрекотали в траве. Море удивительно приятно ласкало слух плесканием воды. Красота планеты и полнота жизни, насыщенной красотой и любовью, втекали во всё тело Лареи. Девушка ещё и ещё наслаждалась запахами моря и пляжа. Это было счастье.

...Спустя пятнадцать минут, свечение над головой Лареи исчезло. И она почти пришла в норму. Правда, ещё гуляла по телу сладкая эрогенная истома – от вагины – через головку фаллоса – к соскам и губам рта. Затем обратно, по очереди, и вперемишку. Истома звала к любви и стимуляции многочисленных эрогенных зон.

Фаллос приподнимал ткань широких шорт. В результате, спереди на шортах Лареи топорщился высокий горб. Ей было смешно и приятно от этого. И она испытывала нежность к своему фаллосу. Но Ларея подавляла неуместные сейчас действия. Она ещё немного послушала внутри себя фоновый шум эфира мыслей. Затем выскочила из машины и вытерла о траву ноги в тапочках. Потом забралась на сиденье.

– Компьютер! – сказала Ларея. – Возвращаемся домой...

Тотчас с левой стороны панели управления вспыхнул бледным синим светом огонёк. Засветился дисплей. – Старый, добрый двухколёсник, проверенный тысячами эксплуатаций, исправно делал своё дело.

Уже темнело, поэтому Ларея сказала машине включить габаритные огни. Они сразу же вспыхнули. Впрочем, она могла и не говорить: в нужное время компьютер всё равно сделал бы всё что надо. Ларея любила общаться с машиной, поэтому давала ей команды и сама нажимала на кнопки и рычажки.

Ларея бросила любовный прощальный взгляд на океан и наклонилась вперёд, – задвинула дверь, потянув правой рукой за внутреннюю ручку. Положила руки на штурвал и тронула педаль газа. Машина поехала сначала вдоль косогора, затем обогнула его справа, и выехала на узкую дорогу с твёрдым покрытием, зажатую с двух сторон наступающей растительностью.

На удаляющемся от косогора автомобиле, уже на ходу, включилась фара, освещая белым светом путь вперёд. Ларея прекрасно видела всё и без фары, но решила отпугнуть с пути ночных тварей из чащи, то тут, то там, выбегающих на дорогу. Природа кишела жизнью в тёплых широтах...

Эмма Прибыльская

Планета «Зима»

Урсула Ле Гуин. Левая рука тьмы

I

Есть у землян в мозгах изъян —
делить людей на Инь и Ян...
Приемля дух, отринут плоть —
приемля плоть, душе не внемлют:

и от любви подобной плод,
крича, является на Землю...
Но неразлучны Свет и Тьма
планеты, названной Зима!
Там вместо двух полов – один:
непостижимый андрогин.
Там нет возможности у двух —
разъять себя на Плоть и Дух!
Их трудновато понимать:
вчера отец – сегодня мать,
брат, молчаливый, как валун,
сестрою – переменной лун...
А Друг любой – уже Любовь!
ни обделить, ни уколоть —
ни отделить от духа плоть...

II

Мир, где владыкою зима,
сведёт землянина с ума...
Граниты, дикий ветер с гор,
снега и мгла деревьев тор...
Снега не таяли века,
а в небе – отблеск ледника...
Затишье в сердце у пурги:
там человек и андрогин —
И славен их безумный путь,
и вместе сани им тянуть:
необходим миров союз!..
Иного, чем я сам, – боюсь...
Не доверял – попал впросак...

Страшусь иного, чем я сам...
Нетерпелив и нетерпим...
Но мы в одной палатке спим...
И льды, и дикие края...
И вот он – ты! И вот он – я!
Ты ироничен, темнокож
и высочайший из вельмож —

но вот на лыжах и пешком
за беззащитным чужаком?..
Поверить в Новое готов...
Воздействие – электроток...
«Вокруг да около» речей...
Умалчивать-темнить – зачем?..
Ну как тебя воспринимать?
Взрыв Лето – Сдержанность Зима...
Своё достоинство и честь
Воспринимать таким как есть...

III

Туманно и обиняком?..
Свет вместе с тенью-дневником...
Отбросить собственную тень...
След на снегу – след на листе...
Исписан снежный черновик...
Застывшим морем штормовым...
Достойно смотришь в Ужас. Жив.
Страх есть, но нету места лжи.
Творит Неведомье впотьмах.
Преграда – и преграды крах!
Мост – Дружба-Преданность: она
различиями рождена!
Меж явью Мира, явью Сна —
Любовь-и-Дружба: суть одна,
достойная высоких слов...
Той высоте – не прекословь...
Морозным воздухом дыша,
рвёт ограниченность душа —
нечаянным касаньем рук...
Что в этом мире значит – Друг!..
...На брёвнах стен – и свет, и тень...
В печи огонь...
Ладонь – в ладонь!
Огонь – в очах,
потом – Очаг!..
Взаимный личный интерес...

И дружбы дар! И дружбы крест!
А дух – спасенье и оплот...
Приемля дух, приемли плоть?!.
Плоть измождённа, несыта...
Но отношений высота...
И вам решать, что утолить,
и что делить – что не делить,
поскольку вам дано, изволь,
и причинять друг другу боль...
А он – надёжен и велик —
вдруг обнажит ранимый лик...
И вот (откуда что взялось)
уже невыносимо врозь...
Даст расстоянием пренебречь,
сближает внутренняя речь...
Роднит беспрецедентный факт —
телепатический контакт...
Во льдах нелепый андрогин —
стал другом – самым дорогим!..
И риск, и тяжесть волокуш —
при мысленном общении душ...

IV

Плато...Палатка...Плотный торс...
и гладь волос, как выдры ворс...
Миг-радость – в сердце у времён...
Отрада – муки остриём...
Он молчалив, как скалы твёрд,
и всё же безнадёжно мёртв...
Ты был к нему несправедлив,
и он ушёл, не утолив?..
Жестоко солнечна зима —
и птицей он слетит с холма,
встречая боль лицом к лицу,
скользя к смертельному свинцу...
И развороченная грудь...
Мысль гаснет: ускользает друг,
в снега Неведенья влеком...
Вслед устремляется Любовь:
стремглав – в отчаянный рывок...
Ты удержать меня не мог...
Не затянуть открытых ран...
Не проводить меня за грань...
Определился-прояснел —
один лишь выбор: рухнуть в снег...
Нет Льда и Солнца – Тьма и Лёд...

Звезда, подстреленная влёт...
Непроницаемость лица...
Поверив, верен до конца...
А ты – как одинокий волк...
И неоплатен этот долг...
Пробит он пулями, а ты
уж не заполнишь пустоты...
И будет – толку нет роптать —
его навеки не хватать...
Был зрячий ты, но вот ослеп,
как рухнул он на лыжный след...
Пусть целый плёс – бессильных слёз...
А что ему?.. Ушёл во Тьму...
Не утолён... Неутолим...
Не удалён... Неудалим...

V

Во Тьму ушёл рем Эстравен...
Но ты – поднимешься с колен...
Чужая мрачная земля...
Ты не унизишься, моля...
Она тебе уже близка...
Неугасимая тоска
и чувство, что родилось жить,
но безответное – дрожит...
Живая боль огнём палит:
опалит – не испепелит...
Потом осядет эта муть...
Без тени свет – неясен путь...
Шагнуть нацелилась стопа...
Куда идти, куда ступать?..
Стоишь, бессильем поражён, —
настолько мир вдруг искажён...
Катить по полю напрямик?..
Лёг ровной скатертью ледник...
Где высота – где глубина?
Расселина занесена...
Не оставляют лыжи след...
Есть трещины, которых нет...
Поверь отвесной льда стене:
лжёт Ясь, лишённая теней...
Слепит и держит за шутов:
лжёт Серо-Белое Ничто...
Возьми, верёвкой обвяжись...
Без смерти даже жизнь – не жизнь...
Шагнул за мыслимый предел —

взял сил на завершение дел,
ради которых Брат погиб...
Живые – из-за дорогих...
И будет светел и остёр —
горящий в памяти костёр!..
Но эту память не залить
и только смертью исцелить!..
Взирай из Вечного «Сейчас» —
Непреходящее на нас!..
И Неожданность вбежит,
и сделает возможным – жить...
Глазами яростно блестя,
к тебе шагнёт его дитя,
и отрицают мрак конца
в нём отсветы души отца!..

VI

Таинственной Вселенной мрак...
Полезна Тьма... Полезен страх...
Неведение будит мысль —
и льды лучом согреть высь,
и молоком живому – лёд...
Неважно, как произойдёт...
От рассуждений воздержись:
пока есть тайна, есть и жизнь...
Ответят, если есть ответ,
но не дадут прямой совет:
вопрос – основа из основ...
Там отвечают Смыслы Снов...
И силой внутренней Ткача
стать паутиною лучам,
сплестись в сияющий покров,
прихлынуть жгучим серебром...
Предвестие-догадка-знак...
Невыносимо ясно знать!
Так заливают Светом Тьма,
неся Всеведение умам...
Нелеп ответ? Проверь вопрос:
предельно ярок ли и прост...
Раз недосказанность, то бред?!
Раз недоказанность, то вред?!
Вне голой логики ума,
но это Истина сама...
Непредсказуемо создать...
Необъяснима Красота...
Снегам просторным – ворон-тень...

Снежинка – угольной воде...
Предошутимая печать...
Нечаянно – предвосхищать...
За жизнью – смерть, за ночью – день:
одна сплошная Светотень...
...На самой дальней из планет
воспринимают – Тень и Свет,
миры предчувствий приручив...
Так не молчи в своей ночи,
Земля по имени Зима:
Свет ясен – плодотворна Тьма!

11.02.97, 26.02.2008, Гомель

Юлия Романова

Пережить Бога (2007 г.)

ЧАСТЬ 1

Неужели и правда это всё изобретут?.. – в который раз задумчиво произнёс отец, уставившись в экран телевизора.

Вот уже вторую неделю по всем телеканалам обсуждали одну единственную новость, успевшую за считанные часы плотно занять умы населения нашей планеты и озадачить политиков, врачей, юристов, социологов всех государств.

Каждые два часа в эфире появлялся пятнадцатиминутный выпуск новостей о последних разработках в обозначенной области. Люди нетерпеливо бежали домой с единственным желанием включить телевизор, чтобы не пропустить ни одного слова выступающих по данному вопросу, не остаться за бортом событий, грозивших стать революцией, которая «порвёт» человечество.

В офисах, конторах, цехах, даже магазинах – везде, где несли свою смену люди, было включено радио, другие новости последние несколько дней никем не обсуждались и казались мелочами жизни.

Люди, старые и тяжело больные, чувствующие свою близкую кончину, были особенно напряжены в эти дни. Страх смерти обострился настолько, что они были готовы уцепиться за любую возможность хоть немного продлить свою иссякающую жизнь, дабы застать грядущие события и стать их непосредственными участниками.

Все люди планеты хотели принять участие в мировом эксперименте под кодовым названием «Пережить Бога». Картины, нарисованные человеческими умами от предвкушения его результатов, были яркие и разнообразны: жить до восьмисот лет, увидеть десятки поколений своих потомков, наблюдать смену политических режимов, стилей общественной жизни, может быть, даже целых цивилизаций...

Фантазии были безграничны. Вокруг эксперимента создавался всевозрастающий ажиотаж.

Церковь выступала категорически против искусственного вмешательства в жизнь человеческого организма, срок которой был строго определён человеку Богом и не мог, по мнению церкви, быть искусственно нарушен или продлён.

Священнослужители и паства Русской православной церкви выходили с плакатами на улицы, осаждали вход в Государственную Думу Российской Федерации, муссирующую проект совместно с общественностью. Решение задачи не могло лежать на совести только правящей группы: слишком ответственным был шаг против установленного Господом Богом порядка.

Бетонные стены дворов пестрели мнениями на счёт глобального продления срока человеческой жизни до восьмисот лет:

- «Богу нужны помощники и Он позволяет человеку достичь своего уровня»,
- «Бог ищет себе замену в нашем лице»,
- «Всевышний обозлился на мир и попускает совершиться такому ужасному греху!»,
- «Проект поделит историю на две части»,
- «Дайте нам восемьсот лет, и мы изменим мир»,
- «Люди, не грешите перед небом!»

Лозунги были разными и были написаны везде, где для них находилось хоть какое-то место.

ЧАСТЬ 2

Можно было открыть любую газету и прочитать в первых колонках текст примерно следующего содержания: «Реализация эксперимента, с учетом естественного прироста населения, через 150 лет грозит перенаселением нашей планеты до такой степени, что она может подвергнуться естественному физическому разрушению. Кроме того, уже в ближайшие годы столь тесное соседство на земле может обернуться тысячами социальных конфликтов по вопросам работы, жилплощади и всего, чем пользуется человек в повседневной жизни, не говоря о реальном риске эпидемий и загрязнения окружающей среды. Люди сожрут планету и друг друга...».

ЧАСТЬ 3

Мне исполнилось тридцать, когда я, стоя перед многотысячной аудиторией и жадными щёлкающими глазами фотокамер сказал «да» и стал добровольным участником этого странного эксперимента, поразившего весь мир и, казалось, даже нечто больше, чем мир с живущими в нём простыми смертными. Было ощущение, что сам Бог участвует в данном проекте; вот только «за» он был или «против» – никто не мог дать ответа, и даже церковь, потерпевшая реформу и раскол внутри себя по причине разделившихся мнений, не имела уже в силу этого весомого воздействия на ход международного проекта, потому что у того, кто должен был дать окончательный ответ, ответ был «да». Несогласные с этим ответом усиленно молились, и в храмах днём и ночью горели высокие свечи, призванные заставить мир одуматься и не делать этой страшной ошибки.

Между тем у ошибки были назначены точные дата и время — 28 апреля 2015 года. Генетики вычислили, что день моего рождения идеально подходит для дня моей вакцинации от смерти на ближайшие 770 лет, с учетом прожитых тридцати. На самом деле, днем моего рождения всегда был день 23 января, я каждый год собирал толпы друзей в своей маленькой квартире, и лишь два месяца назад при прохождении экспериментальной подготовки я узнал, что зачат я был 28 апреля 1985 года, и мой возраст исчисляется именно с этого дня.

В список претендентов на первого человека, который должен будет стать «подопытным кроликом» глобальнейшего проекта в истории человечества, я попал среди тысячи семидесяти пяти подобных себе человек – мужчин моего возраста, но с полным совпадением дня зачатия с днем эксперимента в разницу 30 лет – я стал одним из троих человек планеты. Число «тридцать», как необходимый возраст для участия в эксперименте, также был определен генетиками мирового уровня.

Один из троих претендентов тяжело заболел за неделю до отбора на проект, второй категорически отказался от участия, так как принадлежал к одному из направлений расколовшейся церкви, и поэтому остался только я, без причин и веских аргументов не делать этого. В целом я был не против, и мне, не смотря на всю серьезность ситуации, даже льстила мысль стать первым человеком, жизнь которого будет искусственно продлена силой научных достижений.

Я сказал «да», после чего весь день подписывал кучу каких-то документов, согласно которым, я не должен буду иметь претензий к кому-либо в случае неудачного исхода эксперимента.

ЧАСТЬ 4

После первой ночи, проведённой мною в Швейцарской больнице, я осознал, что прочно войду в историю. Расскажи мне ещё год назад о том, что произойдёт со мной в будущем, – я подумал бы, что мне пересказывают сюжет какой-то типичной фантастической истории, на основе которых и создается 90 % американских фильмов. Но вот теперь я, гражданин Российской Федерации, уроженец города Ростова Ярославской области, с незаконченным высшим образованием, несложившейся личной жизнью, за короткий срок стал средоточием мысли всех живущих на планете людей. Это было похоже на странный сон, причем с каждым днем все больше и больше. Особенно нереальным мне показался момент, когда при моем выходе из вышеуказанной больницы я попал в море всевозможных цветов, изображающих моё имя на крыльце здания. Это было делом рук моих поклонников, а может, сочувствующих. И чем бы ни считался мой смелый поступок в обществе, было ясно одно: я стал фигурой мировой величины. Почти как Иисус Христос. И ни я сам, ни мой личный психолог, назначенный мне руководителями проекта, уже не могли разобраться в том, как же я сам относился к своему поступку. Но дело было уже сделано, и самым нелепым тогда казалось отступить.

ЧАСТЬ 5

Чувствовал я себя превосходно. Моё самочувствие обсуждалось на всевозможных встречах, форумах и съездах; я был подопытной мышью, живущей под стеклянным колпаком общества. Я и шага не мог ступить без разрешения своих восьми докторов, каждый из которых отвечал за свою область в моём организме.

Я не видел своих родителей вот уже более двух месяцев. Последний раз они собирали мне в дорогу какую-то сумку с домашней выпечкой, которую мне даже не разрешили внести за порог своего нового места жительства. Как герой какого-то безумного фантастического сериала, я жил в номере при лаборатории после своей вакцинации и выхода из больницы и не имел права на человеческие слабости и развлечения.

Идя на это, я не мог предполагать, чем станет моя жизнь. Утро начиналось в семь часов со сдачи анализов, которые затем исследовались в течение оставшегося дня, и результаты их сообщались по всем общественным каналам. Завтрак в десять состоял из сока киви и мюслей, после этого меня выпускали погулять в какой-то загон, где я наблюдал небо через решетку, а в 13 часов кормили куриным бульоном. До 15 часов я спал, а потом со мной долго и мучительно работал психолог, который сам не мог разобраться в своих странных тестах. Вечером я проходил обследование у своих восьми докторов. При этом в течение дня я обязан был сообщать о любом процессе, происходящем в моем организме: тошноте, отрыжке, головокружении, кишечной колике, даже банальной усталости. Если со мной происходило что-либо из вышеуказанного, меня тут же укладывали на носилки и везли в лабораторию, где подвергали тщательнейшему обследованию каждый сантиметр моего тела.

Я уже не понимал, для чего живу, к чему стремлюсь, что ожидает меня в будущем, зачем нужно то, что происходит в настоящем. Я давно ничего не решал и был роботом, над которым целый день проводили испытания. Вскоре мне стало казаться, что надо мной смеётся весь мир и считает меня Иванушкой-дурачком, поверившим в сказку о своём бессмертии. Я постоянно думал о своём Ростове, о школе, в которой учился, о своих друзьях, многочисленных бывших девушках, шумных тусовках, приносивших вред здоровью, но не дающих забывать о том, что я молод и жив.

Последней каплей было то, что мне не разрешили позвонить и поздравить свою мать с днём рождения, а ведь я даже ничего не знал о здоровье своих пожилых родителей. Свой

отказ мне объяснили тем, что стационарный телефон находится этажом ниже на экологически небезопасной для меня зоне, микроклимат которой мог навредить моему здоровью, а разговор по мобильному телефону вообще вызывает рак мозга...

После этого я не мог спать всю ночь, о чём наблюдающим меня людям сообщил подключенный к моему запястью аппарат. По этой причине моё несчастное тело снова повезли в лабораторию для выяснения причины бессонницы. Утром я, раздираемый несправедливостью и тоскою по дому, сбежал из этой проклятой лаборатории, однако не добрался и до первого перекрёстка, как меня вернули обратно.

Через неделю эксперименты надо мной резко сократились. Мне разрешили спать до одиннадцати, перестали возить в лабораторию при ночной бессоннице, и я было решил, что вскоре смогу вернуться к нормальной жизни, а наблюдение за мной продолжится в естественных для меня условиях моего родного города... А через две недели по телевизору объявили, что проект потерпел неудачу: вакцина, привитая мне, не прижилась в организме, и исход эксперимента мог быть любым.

На спасение проекта была нужна аналогичная вакцина для ввода её в мой организм, однако ни у одного государства резко не оказалось денег на данное лекарство, т. к. подобные расходы не были предусмотрены государственным бюджетом, о чем никто не постыдился в открытую заявить во всех СМИ. Бояться им было нечего, ведь я подписал в своё время кучу бумажек о том, что ни к кому не буду иметь никаких претензий в случае провала эксперимента.

Мир успокоился так же быстро, как и возгорелся идеей своего бессмертия...

Вскоре все начали делать вид, что ничего не произошло. Возмущающихся было немного. Всё быстро утихло, словно и не было этого странного периода в истории. Через неделю за мной наблюдали всего лишь два доктора, а потом мне позволили сбежать, сделав вид, что не заметили этого. Выйдя из лаборатории через чёрный ход, я два часа стоял на перекрёстке, но меня никто не хватился, и я понял, что выброшен за борт жизни как использованный целлофановый мешок.

ЧАСТЬ 6

Обо мне забыли не сразу. Толпы любопытствующих ещё некоторое время бродили в окрестностях моего дома в Ростове, встречали меня с работы, наблюдали, как я провожу свой досуг. Кое-кто даже имел наглость попросить мой автограф и получил за это мой уничтожающий взгляд. Потом в какой-то жёлтой газете про меня вышла статья под названием «Сбежавший от бессмертия», где публиковались фотки убегающего из Швейцарской поликлиники какого-то идиота, который оглядывался по сторонам и сжимал в руках какой-то пакет. Журналисты даже не потрудились достоверно узнать, в чём я был на момент побега, и изобразили меня в нелепом костюме, какого никогда в моём гардеробе не было.

Через пару лет обо мне никто не вспоминал.

Я нашёл своё место в жизни: устроился на завод, где проработал до самой пенсии без единого больничного листа, женился и обзавелся двумя детьми. Обоих своих родителей я похоронил в 2034 году. Жена умерла от очередного приступа гипертонии на 62-м году жизни. Дети мои жили каждый отдельно со своими семьями. У старшего сына был единственный ребёнок, у младшего жена оказалась неспособной иметь детей, и поэтому я не был богатым дедушкой. Уйдя на пенсию, я купил себе домик на берегу Волги, потому что барак, где я жил еще со своими родителями и затем с женой, разрушился от старости.

Обычно, выходя на пенсию, люди приобретают себе какое-то занятие, которое делает им определённый статус среди таких же пенсионеров, но, может быть, менее успешных и творческих.

Я не стал писать мемуаров с высоты своего жизненного опыта, не занялся путешествиями по местам, где никогда не бывал, не загорелся желанием коллекционировать марки или открытки. В течение всей своей жизни, начиная с некоторых пор, я все время жил в предчувствии чего-то страшного и неизбежного для меня, и поэтому не мог спокойно увлечься каким-либо делом и сосредоточиться на нём. Моё времяпрепровождение состояло в основном из сна, приготовления себе пищи и ловли рыбы на безлюдном берегу возле дома. Я выбрал этот отдаленный уголок на окраине посёлка, чтобы не видеть, как почти каждую неделю умирали старики моего возраста, почётно уходя в мир иной под печальные и торжественные взгляды своих детей и внуков. Я же, самый старый человек в поселке, оставался жить, и моя медицинская карточка оставалась незаполненной с 2015 года.

Когда умер мой старший сын, ко мне прибежали соседи, чтобы сообщить очередную стрессовую для меня новость. Я не убивался по сыну, ему было уже семьдесят четыре, и смерть для его почтенного возраста была естественна и спасительна, так как он последнее время мучился сердцем. Я мучился лишь собственным отменным здоровьем и желанием спокойно уйти на тот свет, оставив место молодым.

Не хочу говорить, в какое отчаяние привела меня смерть моего младшего сына, а потом внука, у которого своих детей не было. В мою маленькую хижину тогда набежала толпа телевизионщиков, желающих заснять стопятидесятилетнего старика, пережившего своего внука. «Самый старый житель планеты живет на берегу Волги и ничем не болеет.»

Как Вам удается так замечательно выглядеть? – приставала ко мне занудливая девушка лет двадцати, но уже с глубокой морщиной вдоль лба, наставив на меня маленькую портативную камеру.

Кто-то из толпы присутствующих вслух высказал версию о том, что я и есть тот несчастный человек, над которым много лет назад проводились испытания, вошедшие в учебник истории под названием «Пережить Бога». И все посмеялись над этой шуткой, а я ничего не ответил, молча проглотив очередную обиду.

Меня долго фотографировали и пытались брать интервью, а потом все вместе улетели на самолете своего телеканала – снимать последствия очередной катастрофы на Черноморском побережье.

За последние десять лет в мире было разрушено и отравлено все, что возможно. Вокруг уже не жила природа, рыба в реках давно не водилась, цветы не цвели, а от деревьев остались одни пни в траве, которая с годами приобрела какой-то синий оттенок. Землетрясения, наводнения, оползни, смерчи, цунами, кислотные дожди деформировали практически всё живое. США уже тридцать лет назад ушли в небытие, став жертвой собственных ядерных испытаний. Те немногие страны, в которых ещё сохранились люди и кое-какие признаки природной среды, пришли в сильный упадок.

Я не имел дома телевизора, чтобы не видеть всего происходящего на планете. О конце света говорили так же откровенно и легко, как о конце каких-нибудь лыжных соревнований в Альпах. По подсчетам учёных, он должен был наступить через полтора года. Моему внуку повезло не дожить до этого ужасного события всего лишь 18 месяцев.

Моё воспитание, моя принадлежность к Православной вере, моя какая-то даже покорность своей судьбе, совесть, не давали мне раньше времени прекратить своё существование, вмешаться в ход жизни, предопределённый мне Богом, пускай даже немного изменённый искусственно на тридцать первом году моей жизни.

Полтора миллиарда человек, не выдержав психологической атаки, покончили жизнь самоубийством за месяц и раньше до предполагаемого конца света.

А он наступил только через 25 лет, в то мгновение, когда умер последний живущий на земле человек, и никого не осталось, так как новые люди не рождались по различным причинам вот уже последние пятьдесят лет, а продолжительность жизни резко сократилась на 15,5 лет.

Конец света в том и заключался, что постепенно умерли естественной смертью все люди, и планета осталась необитаемой.

Это было очень гуманно со стороны Всевышнего – не устраивать нашумевшего апокалипсиса с ужасными сжиганиями грешников на костре и публичной казнью с перечислением прилюдно всех человеческих проступков, допущенных в течение жизни.

Конец света совпал с концом жизни последнего человека на земле, и мои самые опасные опасения подтвердились: я остался жить. Теоретически я не мог знать о смерти последнего человека, но я интуитивно чувствовал, что в один ужасный день это произошло, каким-то странным образом я это понял и в этот же миг почувствовал опустошение и страх.

ЧАСТЬ 7

Я начал ждать, что произойдёт дальше. Времени у меня на это было предостаточно. Времени было колоссально, а решения только два: либо я умру путем самоубийства, либо от чьей-то руки. Поскольку вокруг никого кроме меня не было, умереть я мог только от собственной руки, что по-прежнему не позволяла мне совесть. Но перспектива жить дальше пугала больше, чем возможность самоубийства. Когда умер тот последний человек на планете, я почувствовал себя настолько одиноким, словно умер мой самый близкий родственник, при этом я даже никогда его не видел.

Сам себе я казался такой легендой, в которую уже давно не верил. Порой мне казалось, что я не существую как телесный человек, а живет лишь мой бессмертный дух. Никто не убеждал меня в обратном вот уже около пяти лет, когда умерла последняя женщина в поселке, и только щекочущая босые ноги трава сине-зеленого цвета возле моего дома говорила мне о том, что я ещё жив. Этой же травой я и питался, малодушно цепляясь за жизнь, в которой давно не было смысла.

Я часто думал о своей жизни. Несмотря на огромное количество прожитых мною лет, я не был богат впечатлениями, – человек, который лично увидел конец света! Моя жизнь была поделена на две части: до 30 лет и после... Ни один человек, живущий со мной, и даже моя жена, не знали, что реально моя жизнь закончилась в той ужасной лаборатории, так как на данном этапе я навсегда разучился о чём-либо мечтать, на что-то надеяться, строить планы, говорить о своём будущем. Помню, однажды мой старший сын в четырёхлетнем возрасте спросил меня, что будет с ним и с мамой, когда я состарюсь и умру. Я тогда ушёл на веранду и долго задыхался слезами. А потом я сказал себе, что этого не должно повториться и стал тупым обывателем, живущим как примитивное растение, которое ничего не может, кроме как принимать пищу, воздух, солнце и отправлять естественные надобности. Не думаю, что я деградировал в том плане, чтобы оказаться неспособным к какой-либо деятельности в силу отравливания мозга или каких-то других органов. Просто жизнь моя застыла на определенном этапе, и предчувствие того, что я обречён, не давало покоя моей душе, и эта единственная мысль прошила красной нитью все следующие года, парализуя желания, волю, инициативу к чему-либо.

Я не делился этим с моей супругой. Хоть она и знала, за кого выходит замуж, интерес, возникший в её примитивном мозгу, ограничивался рядом тупых, узких вопросов, касающихся лишь внешней стороны всего произошедшего со мной, и моё внутреннее состояние никогда не являлось предметом её размышлений, если она вообще была на них способна. Но я не винил её за это, ведь сам, целенаправленно выбрал себе в спутницы женщину, которая не станет задавать лишних вопросов о моём прошлом. Дети же мои вообще мною не интересовались, и мы с ними были чужды друг другу, как дальние родственники. Весь груз своих проблем я всё время нёс в одиночку и давно к этому привык.

Я остался один, и теперь моё горе было очевидным до неприличия. Мне почему-то резко захотелось, чтобы рядом появилась какая-нибудь заблудшая на этой вымершей планете душа,

которой бы я мог доверить своё несчастье, высказаться и выплакаться о своей судьбе. Я отдал бы сейчас всё, чтобы вернуть жизнь того последнего человека и продлить её ещё хотя-бы на несколько часов.

Когда вокруг меня ещё жили люди, я пытался убежать от их общения и остаться наедине с собой, чтобы не впускать никого в свой мир. Сейчас же я остро почувствовал, как мне недостает подобного себе.

Сидя на растрескавшемся дне высохшей с годами Волги, я смотрел в пустоту, и эта пустота давила мне на перепонки своим зловещим звоном. Я чувствовал, что нигде вокруг нет ни единого живого звука, способного разорвать пустоту. Звучание же своего голоса я панически боялся услышать. Мне еще хотелось верить, что я умер вместе со всем живым на планете и больше не существую. Я надеялся, что сдохну с голоду, но вокруг моей сгнившей хижины продолжала расти трава, и это было насмешкой со стороны Всевышнего, когда все люди на земле умерли от истощения организма.

Я схватил в руки выцарапанные окровавленными пальцами комья земли и побежал навстречу пустынному горизонту, выгравированному на фоне серо-синего неба. Я не знал, куда хочу попасть, но страх, поселившийся в душе, нарастал всё сильнее с каждой секундой и гнал меня прочь от себя самого, страх заставлял действовать. Боязнь взглянуть внутрь себя и осознать всю серьёзность ситуации не давала мне стоять на месте в бездействии. Я уже не мог слушать это дикое молчание умершего мира, и топот собственных шагов давал мне призрачную надежду на то, что я разбужу что-то живое вокруг себя. Мой крик, в котором я выразил всю накопившуюся в душе за годы мучительной жизни боль, разорвал небо на клочки маленьких самостоятельных небес, сложившихся в моих глазах причудливой, отупляющей разум мозаикой.

Я ненавидел это проклятое небо за то, что под ним никого не осталось. Я бежал и поднимал вверх руки и грязно ругался в высоту, пытаясь увидеть в пустоте этой синевы хоть какой-то признак жизни. Я рыдал, глаза мои застилали слёзы невыразимого отчаяния, страха, беспомощности и горя. За что? Почему именно я? Почему именно мне было суждено пережить всех смертных на земле? Почему я не умер и со мной ни разу за всю мою жизнь ничего не случилось? За что я наказан этим безумным здоровьем? Это как пожизненное заключение, на которое тебя обрекла рука правосудия!

В какой-то момент я почувствовал, что под моей ногой ничего нет, и увидел глубокий ров под собой. Скорость, с которой я бежал, и слезы, застлавшие мои глаза, помешали мне увидеть впереди себя опасность. Я не был в здешних местах много лет, хотя они и находились недалеко от моей хижины, и не знал особенностей этой местности. Глубокое пустое ущелье позволяло меня к себе звенящим гулом своих окаменевших стен... Черная безликая дыра, как конечная станция, к которой я всегда стремился, была очень близко от моего приближающегося тела.

Ничто не нарушило торжественную картину моей смерти. И только маленький сухой пучок торчавшей из треснувшей скалы травы упал вслед за мной навстречу долгожданному избавлению и завершил печальную историю моей земной жизни. В свой последний момент, умирая на камнях от обильной кровопотери, я понял, как страшны и нелепы эксперименты людей, пытающихся заглянуть в Вечность. Ведь эти вопросы не в их компетенции...

2007 г.

Кейс

Это желание созрело не в один миг. Оно сформировалось за годы моей жизни. Неосознанное стремление к чему-то, чего я никогда не имел, постепенно обрело чёткие формы: я решил, что должен стать богатым. В начале я представлял себя непременно в шикарной квартире, имеющим пару дорогих иномарок, счета в нескольких банках, на проценты от которых я безбедно живу. Целыми днями я мог сидеть на расшатанном стуле у окна и, придерживая его от падения одной ногой, строить свои воздушные замки, в которых я – очень влиятельный человек, незадумывающийся о том, где что-либо достать и на что это приобрести. Я чётко решил, что должен иметь столько денег, чтобы они не убывали в кошельке, на счёте в банке, и на них можно было бы приобрести всё, что душе угодно. Я думал об этом последние несколько лет, с тех пор, как остался один в коммунальной квартире после смерти своей матери, до этого содержавшей меня на свою пенсию. Мне было уже 30 лет, но я так и не мог найти подходящую для себя работу и жил на государственном обеспечении. Труд для меня никогда не представлял интереса, и любые активные действия только раздражали и вводили в депрессию. А работы, где не надо было ничего делать, я так и не нашёл, хотя представлял, что кто-то живёт именно так, имея большие деньги и ничего при этом не делая.

Целыми днями я ходил по городу, разглядывая цветные витрины с вещами и представляя, что все эти вещи принадлежат мне. Я мысленно расставлял их по своей квартире, пользовался ими, складывал у себя в шкафу. Вечерами я сидел на скамье возле своего дома и разглядывал проходящих людей, размышляя о том, сколько наличных лежит в их барсетке или сумочке и откуда они взялись. Потом все приобрело гораздо более серьёзные формы, когда все мои мысли сводились к представлению картин моей будущей сытой жизни. Я мечтал, в каких одеждах буду ходить, на каких машинах ездить, каких иметь женщин, какую недвижимость, и недвижимость в виде квартир и домов уже мало тешила мой требовательный мозг. Я решил, что создан для того, чтобы подчинить себе целые земли, где люди будут работать только на меня. Каждый раз предыдущие мысли уступали место вновь созревающим в моей голове, и мне казалось, что личный остров – это очень мало для такого честолюбивого человека, и тогда я приходил к выводу, что для удовлетворения своих амбиций мне нужен мир со всеми его бесчисленными богатствами. Я мысленно выстраивал улицы, города, государства, хозяином которых я непременно стану в ближайшем будущем; в своих фантазиях я разговаривал с подчинёнными мне людьми и перебирал гору камней, за которыми стояли космические суммы.

Я думал об этом настолько часто, что, можно сказать, других мыслей в моей голове и не было. Даже во сне я летал на собственных самолётах, плавал на личных кораблях, делал какие-то распоряжения своим подчинённым. В последствии навязчивая идея иметь всё переросла в такое состояние, когда мне стало противно входить в свою коммунальную квартиру, держаться за эти бедняцкие дверные ручки, вытирать ноги на драном коврике, есть из старой посуды, не менявшейся ещё со времён моей бабушки. Я брезгливо оглядывался вслед проходившим мимо меня бедно одетым людям, презирая их за то, что они не пытаются устроить себе состоятельную жизнь и тупо довольствуются тем, что имеют. Меня стали раздражать богатые люди, которые ездили мимо меня на своих дорогих машинах с толстыми лицами, заплывшими сытостью. Потом я начал презирать и их за то, что в недалеком будущем они так же станут ниже меня по своему социальному положению и не смогут достичь тех же высот.

Я был уверен, что непременно завладею тем, о чем мечтаю, однако ещё не знал, каким образом это ко мне придёт. Вариант работы исключался напрочь, вариант выиграть в лотерею отпал после того, как я распечатал последний приобретённый билет, но и он оказался несчастливым. Находясь в тяжелейшей депрессии, в один из дней я листал еженедельную газету с объявлениями, когда наткнулся на фото с изображением потомственной колдуньи, обещающей

любому обратившемуся к ней человеку всё, что он пожелает: от безбедного существования до приворота любимых. И даже не дожидаясь утра, я с газетой в руках прибежал к стоящему в зарослях домику в дачном массиве, в котором жила колдунья и, припав к стене, стал покорно дожидаться рассвета. Через некоторое время, когда утро ещё не намекало о своём ближайшем приходе, я услышал скрип двери и увидел женщину, вышедшую из дома, к стене которого я стоял, прижавшись. Я был удивлен, ведь свет в доме не горел. Женщина позвала меня внутрь, и я, оглядываясь, вошёл в комнату, освещенную лампой, опять-таки с удивлением отметив, что с улицы данного света не было видно.

Она усадила меня на скрипучий стул и велела сосредоточиться, сама тем временем начала усердно стирать со стола предполагаемую пыль, которой и в помине не было. Когда наши взгляды встретились, женщина, возраст которой я не смог определить, сказала мне: «Ты хочешь быть богатым, я всё знаю. Но это можно сделать только при одном условии». Сердце моё подпрыгнуло в сладострастном порыве к моим будущим деньгам, уже мысленно пересчитываемым мною. «Да, я готов на всё!», – мне самому показалось, что мой голос при этом был похож на шипение змеи, сидящей на гряде золота. «Подумай хорошо, – предостерегающе произнесла она, – плата очень высока!». «Говори же!», – не терпел я. Тело мое уже горело предвкушением сытости, власти, порока, обещаемых мне взглядом колдуньи. «Ты будешь богат, очень богат, но потеряешь один год своей жизни. Ты умрешь ровно на год раньше, чем предназначено тебе судьбой». Мой сумасшедший смех разорвал тишину тёмной комнаты. Я смеялся как псих, как человек, с которого требуют грамм золота, обещая взамен тонну. Я долго не мог успокоиться, пока колдунья не ударила по столу каким-то предметом, отчего я вздрогнул и едва перевёл дыхание. «Я согласен, чёрт тебя подери! Всего один год! Что такое год по сравнению с тем, что я буду иметь, выйдя отсюда! Давай, колдуй! Делай своё дело! Я согласен, согласен!».

«Я предупредила тебя», – сказала женщина, закрыла на мгновение мои глаза, после чего отстранилась и заорала, чтобы я убирался вон. Я выложил на стол 1000 рублей, которые женщина отказалась принять за работу и швырнула мне их вслед. Подумав, я поднял с пола купюру, и, жадно запрятав её в карман своих брюк, вышел из дома. Уже светало, где-то орали первые петухи. Я пошёл вдоль дачного массива, каждую секунду ожидая чего-то, что должно было произойти со мной. Я уже считал себя богатым человеком и шёл с шарящим по сторонам взглядом, боясь пропустить то, что принадлежит мне.

На выходе из массива, где располагался пустырь, я увидел впереди себя чёрный предмет. Очертания его становились всё яснее по мере моего приближения к нему, и я увидел, что это открытый кейс с зелёными американскими купюрами. Увидев его, я уже ни о чём не мог думать и, спотыкаясь, побежал к нему навстречу. Он был уже в двух метрах от меня, когда разум начал помутнеть от счастья, подаренного мне самой судьбой. В мозгу промелькнули все картинки моей будущей жизни, взлелеянной годами, и когда я потной от волнения рукой схватился за ручку кейса, послышался выстрел... и я упал прямо в кучу этого зелёного счастья, с которым я пробыл вместе всего одно мгновение.

Меня убили. Кейс являлся предметом спора двух серьёзных человек, присутствия которых в нескольких метрах от кейса я даже не заметил, когда увидел впереди себя своё счастье.

Потом тело моё скинули в реку, и его унесло течением. Никто не вспомнил, что меня не стало, никто не спохватился, и только квитанции по оплате за квартиру регулярно падали в мой почтовый ящик.

Колдунья не обманула меня. Я умер ровно на год раньше, чем было предназначено мне судьбой. Смерть моя должна была наступить того же числа и месяца ровно в следующем году, однако она была бы совсем иной. Бог готовил мне смерть чистого, раскаявшегося в своих грехах человека, умирающего в своей постели от тяжелой болезни и успевшего исповедоваться и причаститься. И мне предназначалось место в раю.

Я сам выбрал себе судьбу, я обменял её на деньги и до сих пор горю в аду, а в топку мне подбрасывают зелёные американские купюры.

2008 г.

Проект

ЧАСТЬ 1

– Ой, до чего же они мне все надоели, беда какая-то...

Он со злостью отодвинулся от подставки с расположенным на ней проектом и походкой бродячей собаки удалился прочь из помещения. На пороге он столкнулся с входящим в помещение приятелем.

– Стой. Я вообще-то к тебе. Как жизнь? Как творческие успехи?

– Творческие ничего. Научные – ни к черту. Только не спрашивай у меня то, что обычно спрашивают все, – ответил он, возвращаясь в глубину комнаты.

– Хорошо, хорошо, не буду, – усмехнулся приятель, прекрасно понимая, о чём идёт речь. – Давай просто посидим и послушаем музыку.

– Да, музыку. Конечно... – растерянно согласился он, оглядываясь по сторонам. По щелчку пальца помещение, в котором они находились, наполнилось музыкой.

Два тела плюхнулись в подъехавшие по хлопку мягкие сиденья. В воздухе повеяло чем-то, похожим на нирвану.

– Ну, даже не знаю, что тебя спросить, – учтиво продолжил разговор приятель.

– Я не знаю. Спроси про творческие мои проекты.

– Ну и как они там?

– Всё хорошо. Я дописываю музыкальную композицию, общей продолжительностью 540 часов. Думаю, вещь в перспективе станет классической, – похвастался он, и настроение его заметно улучшилось.

Он не упустил возможности заговорить собеседника, дабы тот не касался его большого вопроса, а именно того злополучного научного проекта, подставку с которым он успел накрыть чёрной материей, когда приятель зашёл в комнату.

– Супер, – похвалил его приятель, – может, послушаем то, что уже написано?

– Да там всего на 400 часов, есть ли смысл? – стал набивать себе цену автор музыкального произведения.

– Да давай, интересно же, – попытался польстить приятель.

– Ну хорошо. Если ты так просишь...

Он щелкнул пальцами, и в воздухе зазвучала новая музыка, противоположная по стилю той, что ей предшествовала. Ближайшие 400 часов обещали быть занимательными.

Когда они проснулись, музыка уже давно закончилась и только частицы музыкальной пылицы, оставленные ею, продолжали оседать на окружающие предметы.

– Ну мы и «уехали», – посмеялся приятель, смахивая пылицу со своих плеч.

– Да, – засуетился хозяин комнаты.

Убедившись, что приятель в данный момент не смотрит на него, он приподнял материю с подставки и краем глаза глянул на расположенный под ней проект. Увиденное заставило его поморщиться, и он хотел было выругаться в воздух, как вспомнил о том, что находится в комнате не один, и закрыл проект обратно.

Надо было как-то выпроводить приятеля и исправить некоторые ошибки, успевшие накопиться под чёрной материей.

– Ну что, я, пожалуй, выйду прогуляться, часиков на 30, да потом обратно: музыку допишу, – на ходу придумал он, направляясь к выходу.

– Да, конечно, мне тоже пора, – проявил такт гость, и они вместе вышли наружу.

Вне помещения они совершили небольшую прогулку и, распрощавшись, разошлись по домам.

ЧАСТЬ 2

Вернувшись, он влетел в комнату и сдернул чёрную материю с подставки, раздраженно уставившись на своё детище.

– Нелепые, тупые существа! Стоило мне отлучиться на каких-то 450 часов, как они успели натворить всевозможных глупостей.

Он заходил вокруг проекта, громко ругаясь в воздух.

– Что за погром на этом участке? Почему здесь всегда какие-то проблемы? Не можете ужить мирно, чтоли? Затеяли снова свои войны! Вот, держите вам! – тут он пнул ногой подставку с размещённым на ней проектом, отчего она пошатнулась, и проект закачался, дрожа всем своим существом, и на его поверхности в некоторых местах появились разрушения.

– Вот и посмотрите, как вести себя! Жить не умеете нормально, живите так!

После указанных слов он зачерпнул ладонью горсть воды с твердой поверхности проекта и вылил её на соседнее, сухое место.

– Веселитесь! – закончил он и, похоже, гнев его поутих, и даже наступила некоторая жалость к своим подопытным из-за причинённой им разрухи.

Чтобы как-то искупить свою вину, он полностью откинул покрывало и включил лампу, максимально приблизив её к тому участку, где несколько часов назад в обиду пролил воду.

– Грейтесь, червяки, – уже более снисходительно сказал он и удалился по своим делам.

ЧАСТЬ 3

Он вернулся после большого загула, какие случались у него нередко и с помощью которых он забывался и имел возможность некоторое время не вспоминать о своём неудачном, как он считал, проекте. Все его друзья давно потешались над ним. Нет, они не говорили ему об этом прямо, но он ловил их ироничные настроения, улыбки, слова в его сторону относительно его детища, не принесшего ему ожидаемого результата вот уже на протяжении многих лет. Все его друзья оказались более успешными и реализованными ими проекты получили вселенское признание, принесли плоды, сполна окупившие затраченные на них силы.

Он же избегал всяческого упоминания о том, что хранилось на подставке под чёрной материей в его комнате, и занимался своим проектом набегами, не всегда, втихомолку, как бы стыдясь самого себя, своих возможностей, испытывая неприязнь ко всему, что касалось этого проекта. Забывался он в музыке, которая приносила ему гораздо больше удовольствия и плодов, поскольку нравилась ещё кому-то, кроме него, что не могло в итоге не нравиться ему самому. Он испытывал тщеславную радость, удовлетворение и удовольствие от создаваемой им музыки, он пытался сделать всё, чтобы её принимали и любили, все, чтобы его музыкальная слава полностью покрыла его несостоятельность в науке, плод которой жил, стыдливо прикрытый тканью от посторонних глаз и себя самого. В редкие минуты он испытывал некое подобие жалости и привязанности к своему творению и тогда он становился немного свободнее в своём поведении, делал небольшие подарки для своих подопытных, но он очень стыдился в такие минуты самого себя, словно переживая какой-то комплекс. И ещё он был очень непоследовательным и никогда не доводил до конца свои идеи относительно данного проекта. Он не контролировал происходящее в нём, не пытался вносить коррективы, когда процессы шли не так, как было задумано изначально, не вмешивался в происходящее и в целом пустил всё на самотёк, так как был очень ленив. Но в принципе он не был плохим парнем, он не желал зла своему детищу, иначе давно разрушил бы его в очередном приступе гнева. Он лишь иногда злился и

наказывал, но по-отечески, так, как наказывают своих непослушных детей. Ему казалось, что, если бы данный проект создал кто-то из его друзей, то он получился бы более удачным и всё пошло бы иначе: более последовательно, логично и правильно. Но данная идея не вдохновляла его приятелей и была участью его одного. Крестом его, что ли...

Когда он вернулся, то обнаружил, что электрическая лампа так и светит на тот участок, на который он направил её несколько сотен часов назад, отчего поверхность данного участка высохла и потрескалась. Подбежав к подставке, он резко отвёл свет в сторону и в досаде уставился на последствия своей очередной промашки. Надо было как-то исправлять ситуацию. Живые организмы на данном участке частично погибли, и ему пришлось исключить их из списка участников и удалить их названия из электронного документа щелчком мыши. После этого он наклонил над высохшим участком другое приспособление, от которого пошла живительная влага. Отрегулировав напор посильнее, он решил, что исправил ситуацию как мог и, не отходя от подставки, забылся сном.

ЧАСТЬ 4

Его заметили! Его, наконец-то заметили очень значимые в музыке персоны и очень знающие, что немаловажно, какой именно она должна быть. Его музыкальная композиция длиной в 540 часов наконец-то была отмечена и удостоена внимания этих лиц. За это можно было отдать многое, если не всё. Ему же это абсолютно ничего не стоило, просто повезло! Да, так всё-таки иногда бывает! Поэтому сегодня он ждал много гостей, а именно тех самых, чьё мнение и расположение являлось для него мерилom всего его творчества.

Для гостей было приготовлено всё, что обычно удовлетворяло самые изощренные потребности и вкусы. Помещение было прибрано так, что невозможно было догадаться о ещё недавнем бардаке. Музыка гирляндами висела по всему помещению и звучала отовсюду, куда падал глаз. Надежда на одобрение дрожала и металась как солнечный зайчик.

Они пришли и оставили свои тени по всей стене помещения. Взгляды их заговорили о возможном снисхождении к стараниям хозяина вечерники, чем частично сняли его волнение.

– Пожалуйста, располагайтесь, я очень вам рад и благодарен за то, что вы снизошли до моего убогого мира, где я живу. Вот, собственно, в таких условиях и создается моя музыка...

Десятки ироничных взглядов разбежались по углам комнаты, и чей-то чересчур внимательный взгляд упал на спрятанную в самом темном углу и заброшенную разным мусором подставку с проектом, стыдливо спрятанным от важной публики. Когда прозвучал вопрос о содержании того, что было так неудачно спрятано, надежда на благополучный исход вечеринки безнадежно умерла.

– А это мой... мой... самый неудачный проект... я уже им давно не занимаюсь. Думаю, он не стоит вашего внимания и вашего драгоценного времени...

– Нет уж, позвольте нам знать всё о ваших увлечениях, ведь мы заключаем контракт с вами, а значит не имеем права упускать из виду хоть что-то, характеризующее вас.

Под любопытные взгляды подставка была извлечена и возвращена на своё прежнее место. То, в каком положении она находилась под кучей мусора, не могло не сказаться на происходящих в ней процессах. Она была повреждена. Контакты, подключенные к ней от компьютера, порвались и частично вышли из строя. На поверхности проекта осела пыль, от которой он ранее оберегался специальными распределителями воздуха. Жалкое детище было представлено на суд публике не в лучшем виде, чем вызвало смех и всевозможные реплики в свой адрес и адрес своего хозяина.

– Я, пожалуй, уберу его, – предпринял слабые попытки хозяин, но был остановлен десятками недовольных взглядов своих гостей, с весельем и интересом наблюдающих, как он стыд-

ливо сгребает с поверхности проекта какие-то невидимые невооруженным взглядом песчинки и горстью бросает их в мусорный контейнер.

– Ну вот, ещё несколько сот умерло, – едва различимо произнёс он и стер скупую слезу, чем вызвал ещё более сильный ажиотаж вокруг своего проекта.

Десятки рук потянулись к заинтересовавшей всех игрушке. Десятки лет происходило её обсуждение. «Игрушку» пустили по рукам, и она обошла каждого из присутствующих ни по одному разу. Её подкидывали вверх, роняли и снова пускали по рукам. Её бросались, смеясь, и крутили её на пальцах. На неё дули и плевали, с интересом наблюдая, что вызывают данные действия. Её накрывали тканью и наоборот, подставляли под самые беспощадные электрические лучи. Её обливали напитками и посыпали пряностями. Над ней потешались и не могли успокоиться, придумывая всё новые и новые шалости с её участием.

Его при этом ломало и корбило. Он дергался и дрожал, задыхался и плакал, молчал и вскрикивал от каждого следующего их действия, но ничего не смел им возразить. Они даже не обращали на него никакого внимания и не заметили, что давно закончилась его пятисотсорокачасовая композиция и все последующие композиции, длина одной из которых равнялась 11 месяцам.

Когда интерес к «игрушке» остыл, он попытался переключить внимание всех к теме музыки и убрал подставку на прежнее место. Сам он ещё не пришёл в себя от увиденного, но ему не стоило показывать свои эмоции перед столь дорогими гостями, поэтому улыбка вновь заиграла на его лице, а гости быстро забыли о произошедшем.

Когда все расходились и контракт был всё-таки подписан, самый важный гость задержался на пороге его жилья и негромко, но внятно поделился своим авторитетным мнением.

– Решать тебе, – сказал он, – но я не советовал бы заниматься такой ерундой, это очень отвлекает от главного в твоей жизни: от музыки. Ты ведь не хочешь, чтобы над тобой все смеялись, правда?

На этой лирической ноте он удалился, оставив хозяина раздавленным.

ЧАСТЬ 5

Последний троллейбус тащился в дождливый осенний вечер на конечную остановку, чтобы уснуть на ней до утра. Она ехала на последнем сиденье домой, чтобы дожить остаток вечера без происшествий. Запланированную ранее ночную прогулку с подружками пришлось отложить из-за событий последней недели, предшествующей выходному дню. За эти семь дней в их маленьком, доселе тихом городишке было изнасиловано 13 подростков. Преступник не был пойман, поэтому лучшим вариантом являлось провести вечер дома. Хотя и дома оставаться с каждым днём казалось всё невыносимее. Телевизор только и делал, что доносил всевозможные страшные новости из разных уголков мира: три землетрясения за месяц на Дальнем Востоке, цунами в Штатах с масштабными последствиями, наводнение в Италии, смывшее 12 домов на берегу. В России тоже творилось невесть что: в Москве снова сгорели по неустановленной причине два театра и детский дом, в Милане упал пассажирский самолёт, уже четвёртый за месяц в стране, в водах Ярославской области затонул теплоход, совершавший круиз по Золотому кольцу. Страшно стало включать телевизор, радио. Увидеть и услышать можно было только ужасные вещи, происходящие в мире: разрушения, наводнения, пожары, смерти... Словно кем-то насланное чёрное проклятие возымело своё действие на всей Земле.

Она вышла из троллейбуса и поплелась к дому, но не стала заходить в подъезд, а набрала номер на сотовом телефоне и поднесла его к уху.

– Андрей, ты дома сейчас? – произнесла она негромко.

– Да, а что-то случилось? – ответил явно сонный голос.

– Случилось? – разозлилась она, – а, по-твоему, три землетрясения за месяц и 13 изнасилований, например, это норма жизни?

– Ну что ты кричишь? – более бодро ответил собеседник, – я не глухой. Заходи, я дома.

– Заходи ты, я боюсь ходить одна по твоему двору, – её голос снова стал тише и звучал примиряюще.

– Хорошо, зайди в свой подъезд и жди.

Собеседник повесил трубку, и вокруг наступила зловещая тишина. Девушка зашла в подъезд и достала пакет семечек. Он пришел быстро, и ей не пришлось остаться наедине с собой в тёмном неосвещаемом подъезде. Она совершенно неожиданно для него бросилась к нему на шею и заплакала.

– Ну что ты, дуреха? – он не умел утешать женщин, но её слезы очень удивили и тронули его, – не плачь, я пришёл же, сейчас поговорим, всё будет хорошо.

Они прокрались на крышу её пятиэтажного дома и уселись там на бордюр. Осень всюсю сообщила о приходе холодов.

– Хочешь семечек? – она снова достала початый пакет.

– Давай, погрызём.

– Дешёвые, в новом магазине купила.

– Молодец. Ничего такие, не горелые даже.

– Горелые... – снова напряглась она, – горелые два театра и детский дом в Москве. Скажи, ну что же это такое? Почему бог допускает всему этому быть? Почему мы так беззащитны перед ним? Неужели он таким образом показывает нам своё преимущество перед нами?

– Я не верю в бога, – заметил он скептически, – с чего ты взяла, что он есть? Ты видела его, что ли?

– Ну ты что? Я в церковь всегда ходила, мама моя тоже, бабушка. Я даже не сомневалась. Боялась сомневаться, вдруг бы он меня за это наказал...

Андрей рассмеялся, отчего девушка снова расплакалась и прижалась к нему, обняв его за плечо.

– Не плачь, что с тобой сегодня? Ты так из-за пожаров расстроилась?

– Из-за всего. Ты вообще смотришь телевизор, радио слушаешь? Там новости стали чаще передавать, чем песни. И всем как будто пофигу. Тревогу никто не бьет, словно и не происходит ничего. Люди, что, не понимают, что гибнет всё вокруг, что жить стало небезопасно, что ходить по улицам стало небезопасно, что тонет всё, разбивается. Это же конец...

Она замолчала, и губы её затряслись.

– Да нет, это не конец света, это полоса черная просто, я думаю.

– Да эта полоса уже десяток лет тянется, лучше-то уже не будет. Вот самолёты, например, почему они разбиваются? Ведь с каждым годом технологии по их проектированию всё новей и новей, то есть, по логике вещей, они должны быть надежней с годами. А тут всё наоборот. Это значит, что не зависит от нас ничего в этом мире и беспомощны мы перед природными стихиями, а природа реально обозлилась на нас, или даже не природа, а тот, кто над нею стоит...

– Ну не знаю... – ответил он в растерянности. Ему нечего было добавить к этому исчерпывающему монологу своей подруги.

– Да чего ты вообще знаешь? Ты хоть когда-нибудь задумывался на такие темы или тебе неинтересно, что происходит в мире?

– Задумывался... – ответил он, набирая что-то на клавиатуре своего телефона.

– Да ни фига ты не задумывался... что ты там вообще на телефоне делаешь?

– Звоню на тот свет, узнать, когда мы все погибнем.

Этой шуткой он, конечно, хотел всего лишь снять её дурное настроение, утешить, сделать разговор менее напряженным. Но фраза, брошенная им, не возымела желаемого эффекта.

Потеряв дар речи, она с минуту молча смотрела на него, а потом ушла быстрыми шагами, твёрдо зная, что с подобным разговором больше к нему никогда не обратится.

ЧАСТЬ 6

Он бродил по комнате много часов подряд, очень много часов, пока не упал без сил. После этого он столько же часов смотрел ввысь, пытаясь найти где-то там ответ на свой единственный вопрос. Подставка с проектом была выставлена на своё прежнее место, и произошедшие в нём изменения были очевидны невооруженным глазом. Он мог бы, конечно, всё исправить и наладить процессы, давшие сбои, но надо ли ему это— вот о чём думал он так усиленно, перебирая в уме все плюсы и минусы своего детища. Что дало оно ему? Каких расходов требовало? Да, на него уходило много времени, и времени было, конечно жаль. С другой стороны, он так привык к тому, что этот проект в его жизни всё-таки есть, и ни у кого из его знакомых такого никогда не было и вряд ли будет. Но, занятие музыкой для него, безусловно, было несравненно дороже. Он не мог забыть прощальные слова влиятельного гостя о том, что, если он хочет заниматься серьёзным делом, то-есть создавать музыку, он должен забыть о своём нелепом проекте, иначе путь в большое будущее ему закрыт. Эти слова он не мог просто проигнорировать; бороться с тем, кто произнес их, он тоже не мог, слишком дорого бы это ему стоило. Поэтому он понимал неизбежность своего решения, хоть и не хотел в него верить.

Включив музыку на самую большую мощность, сделав её практически невыносимой для слушателя, он решительно подошёл к компьютеру, регулирующему программу проекта и соединённому с ним толстыми проводами, и с надрывом выдернул основной шнур из сети, питающей всё вышеуказанное. После этого он отвернулся, чтобы не видеть последствий своего поступка.

ЧАСТЬ 7

В этом году зима так и не наступила, и даже не оставила подсказок, какой она могла бы быть: холодной и ветреной, снежной и тихой или сырой и промозглой... В России, например, ожидали раннюю и вьюжную...

В Италии так и не закончили экспертизу по установлению причин гибели нескольких пассажирских лайнеров, жертвы аварий которых достигли 130 человек.

В Голливуде не успели закончить съёмки очередного блокбастера на тему криминальных войн.

Москве не повезло отпраздновать свой очередной юбилей, к которому готовились долгие 5 лет.

В начальной школе Дублина ребята не успели поучаствовать в конкурсе рисунков на тему «Кем я хочу стать», а маленькая Оля в городе Новокузнецке, задав маме вопрос: «А мы всегда будем жить, мамочка?», — так и не получила на него ответа.

Лидия Рыбакова

Неолитическая Венера

Сколько себя помнила, Нюська Саломатина всегда была круглой душой.

Самое первое её воспоминание – и то на эту тему.

Лежит она в кровати – польская такая кровать, деревянная, с бортиками и спинками, собранными из цилиндрических палочек. Если крепко взяться рукой и покрутить – замечательно скрипят. Лучше любой погремушки!

И тут появляется над ней серьёзное большое гладко выбритое лицо деда, с густыми чёрными бровями, крупным носом и живыми карими глазами. Он смотрит брезгливо. Потом в поле зрения появляется ещё одно лицо – женское, нежное, смуглое – мамино. Скульптурной лепки, чуть скуластое, светлоглазое, высоколобое, обрамлённое тёмно-медными локонами, робко глядящее не на дочку, а на свёкра.

– Нина! – говорит тот раздражённо. Я всегда был против вашего брака с моим сыном, и вы прекрасно знаете, почему. Вы милая провинциалочка, но неужели неясно, что совершенно нам не ровня? Даже удивительно, какое упорное нежелание воспринимать очевидное. Но я всё же терпел и надеялся, что вы хотя бы сумеете родить мне внука. А это, простите, что? Чучелко белобрысое, девка, дура! Какой она нам – в семье потомственных военных и инженеров? На что она годится? Тьфу. Хоть готовить её потом научите, что ли!

Нюська, конечно, в тот момент ничего не осознала, только агукнула в ответ. Но почему-то навсегда запомнились, словно впечатанные ей в мозг, и эти тогда непонятные с силой произнесённые густым баритоном слова, и отвращение на мужском лице, и мамин плохо скрытый испуг.

Дед протянул свою огромную руку и легко оторвал ручонку младенца от деревяшки.

– Ещё раз услышу скрип – пришибу пашенку, – заключил он, и ушёл.

Нюська тогда не заплакала. И не взяла протянутой матерью погремушки. Она принялась перебирать и скручивать край одеяла. Тихое, никому не мешающее занятие.

Так она и росла. Неслышно, незаметно, стараясь лишний раз никому не попадаться на глаза. Таскала книжки из шкафа – Бог весть, как и когда она научилась читать, никто этим специально не занимался – и изучала их, спрятавшись под круглый обеденный стол. Там было тихо и спокойно: толстые лаковые ножки внизу соединялись крестовиной, на которой было очень удобно сидеть, а тяжёлая жёлтая бархатная скатерть надёжно защищала Нюскино убежище от глаз взрослых. Когда её искали, что, впрочем, случалось очень редко, ей было достаточно поджать ноги, чтобы остаться незамеченной.

Считалось, что за «генеральской внучкой» присматривает няня Авдотья Никитична, седая круглолицая старушонка из соседнего подъезда, запросившая за услуги дешевле всех. Родители и дед с бабушкой отправлялись на работу около шести. Няня являлась за несколько минут до их ухода и практически сразу отправлялась пить чай. Конечно, имелось в виду, что она разбудит ребёнка и накормит его тоже. Но, логично рассудив, что без девчонки куда способнее проверять содержимое буфета и холодильника хозяев, та ничего подобного не предпринимала. Она просто закрывалась в дедовой комнате и гоняла чай с пирогами и пряниками часа два-три, предоставив дитя собственной судьбе. Гремела посудой, включала радиолу, порой и что-то шила на бабушкином «Зингере». Стучаться, просить хлеба или хоть чего-нибудь было бессмысленно: даже такая дура, как Нюська, поняла это довольно быстро.

Впрочем, есть ей особо никогда и не хотелось. Она вставала сама, старательно заправляла постель (тут никак нельзя было дать слабинку, рука у деда была тяжёлая) и лезла в шкаф за очередной книгой.

Обедать всё же Авдотья давала. Правда, борщ, или куриный суп с клёцками – это она частью съедала сама, а остатки сливала в судок и уносила, заперев Нюську в квартире – ненадолго, минут на двадцать. Но и девчонка получала, наконец, горбушку, пару картофелин и чай. Иногда даже с сахаром.

Обо всём этом Нюся взрослым не рассказывала. То есть однажды, когда бабушка и дед вернулись домой пораньше, Нюся сунулась было попросить булочку с изюмом, такие продавались по гривеннику в соседнем хлебном. Но напрасно:

– Вот ещё! – услышала она, – ты же только что обедала! Глядеть ведь не на что, тощая, как сушёная вобла, а ест – не остановишь!

Нюська, конечно, тут же замкнулась.

– Ишь, неприветливая! Набычишься и молчишь. Нешто, думаешь, такие деточки хоть кому к сердцу придутся? – укорила бабушка, – эх, Нюська, дура ты, дура, ведь ласковое-то теля двух маток сосёт!

Ну, собственно, так оно и шло дальше-то.

Годы летели, а Нюська, потом, Анька, потом Анна – так всё и пыталась кому-то, а скорее всего, себе самой, доказать, что вовсе не так уж безнадёжна... Без особого, Впрочем, успеха. Она хорошо училась – и в школе, и в музыкалке. Но зато совсем обычного, простого – дружбы с ребятами у неё как-то не получалось. Серьёзная чересчур была, что ли? Думала много. Или слишком молчалива и привержена своим внутренним правилам? Не ладилось у неё с коллективом, короче, за исключением разве что соседа по парте. Звали его Митей, был он такой же худенький и невысокий, как и Нюся, разве что чернявый, вроде цыганёнка. Угодили они за первую парту. Аккурат к учительскому столу. Митя был всегда очень подтянут и начищен внешне, в этом плане Нюся ему в подмётки не годилась: у неё вечно то коса распустится, то ручка потечёт, то оторвётся что-нибудь... и не из ловких. Но они как-то очень быстро ладили. Стали вроде брата и сестры. Чёрный и рыжая. Причем, хотя учёба шла у них по-разному, в жизни-то куда умнее был Митя. Без него Аня в школе, наверно, просто пропала бы. Ну талант был у человека оказываться в неподходящих местах в неподходящее время. И вечно ей за всех доставалось отдуваться. Стекло ли разбито, установка ли из физического кабинета сломана, или раковина засорилась – вечно её вина, хотя она – ни сном, ни духом.

Ей бы, дуре, чуть поведение изменить: улыбаться что ли почаще, глазки, может, научиться строить мальчикам или подружек каких-никаких найти. А она... она всё молчком да бочком. Дикарка.

Конечно, Нюсю считали бы задавакой – городок небольшой, кто какого роду-племени – все, конечно, были в курсе. Да уж больно неважно она была одета, и глаза голодноваты. Так что хоть в этом Аньке повезло. Мало у кого язык поворачивался попрекнуть её непростой семейкой. А если что – Митя быстро объяснял обидчику что к чему.

В институте Анна тоже не поумнела. Девушки искали и находили парней, влюблялись, сходились и расставались – жизнь была ключом! А эта – сидела и училась, училась... ну такая, видать, уродилась, что возмёмшь. Даже из общежития вылетела по-глупому.

В первый день весны какой-то шутник с верхнего этажа окатил её с ног до головы водой из тазика. Наверное, это должно было быть весело. Солнышко, брызги! Но тут в комнату как раз вошла комиссия студсовета. Анна стояла у окна в большой луже, и с её рыжеватых волос и пёстрого ситцевого халата вода стекала на паркет, который вспучивался прямо на глазах.

– Кто? – только и спросил председатель.

– Сама... – обречённо выдохнула Нюська.

На следующий день она уже ездила в институт из дома, два часа в один конец. Слава Богу, её хоть обратно пустили. Правда, что пришлось выслушать от любящих родичей – лучше даже не пересказывать. Слово «дура» было ещё самым мягким. Да она и не спорила: что тут спорить, когда вполне согласна...

Никто, конечно, не сознался, да она и не рассчитывала. И вообще, сколько ни подгребали всякие любопытствующие, – помалкивала или сухо отвечала, что в деканате, мод, все знают – и их версия ничем не хуже любой другой. Вообще-то Анна, наверное, была занудой. Она сторонилась людей, и их это, надо признать, ничуть не огорчало. Всё равно никогда ничего не расскажет, компанию не поддержит.

Самое забавное, что глаз-то на неё клали – и не раз. Всё больше новенькие или с других факультетов. И что находили? Тощая, лохмы рыжие прибраны кое-как, одета не лучше. Глазищи дикие, странного коричнево-зелёного колера, длинноносая, слишком полные, чуть ли не по-африкански губы, не совсем симметричные брови. Грудь, правда – это да. Зато задницы, считай, вообще нет. Ноги в икрах полноваты – но прямые, тут ничего не скажешь. И ручки изящные, с узкими запястьями и длинными пальцами. Что на самом деле было вполне нормально: скрипачка, – о чём в институте тоже никто слыхом не слыхал. Анна, впрочем, любых интересующихся быстро отшивала. Не грубо. Не обидно даже. Просто чуть отстранялась, незаметно отдалялась, неожиданно оказывалась чрезвычайно занята, и была вынуждена передать билет в кино кому-то из сокурсниц, а в кафе ей не удавалось доехать из-за сломанного каблука. Так что когда на последнем курсе все начали играть свадьбы, Анна даже не была ничьей невестой.

Злые языки утверждали, что она ждёт якобы из армии какого-то Дмитрия. Но это уж вряд ли: её оставляли на кафедре, ей диссер светил, за ней доценты бегали – любая курица с двадцатью граммами мозга и та бы сообразила, какой стороны улицы держаться! Какой ещё там солдатик... Да и она в ответ на прямой вопрос одной из блондинисто-лучезарных аспиранток только бровь подняла, и поинтересовалась «откуда, мол, дровишки?». Так что та вдруг на какой-то миг даже усомнилась: а кто тут дура-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.